

**МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
ВЯЧЕСЛАВ ШЕЯНОВ**

ИМПЕРИЯ В ПРЫЖКЕ КИТАЙ ИЗНУТРИ

**КАК И ДЛЯ ЧЕГО «АЛЕЕТ ВОСТОК»
ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ XXI ВЕКА**

**ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ
ДЛЯ РОССИИ**

Михаил Делягин

**Империя в прыжке. Китай
изнутри. Как и для чего «алеет
Восток». Главное событие
XXI века. Возможности
и риски для России**

«Книжный мир»

Делягин М. Г.

Империя в прыжке. Китай изнутри. Как и для чего «алеет Восток».
Главное событие XXI века. Возможности и риски для России /
М. Г. Делягин — «Книжный мир», 215

ISBN 978-5-8041-0758-2

Новая книга экономиста Михаила Делягина и предпринимателя Вячеслава Шеянова посвящена Китаю. Сплав глубоко переработанной научной информации (по истории, политике, экономике и культурным особенностям Китая) с личным опытом авторов, которые регулярно посещают Поднебесную на протяжении почти двух последних десятилетий спасает книгу от академической занудности при сохранении достоинств фундаментального исследования. Как пишут сами авторы – «без подобострастия, без предубеждений, без зауми». Современный Китай вызывает (и далеко не только в России) противоречивые чувства: восхищение его экономическими и социальными успехами, надежды на взаимовыгодное сотрудничество, интерес к экзотической культуре, опасение растущей политической и военной мощи, страх перед китайской экспансией – как во всем мире, так и на огромной, но пустынной российской территории от Урала до Тихого океана. Как стало возможно «китайское чудо»? Что такое китайский капитализм с «социалистическим лицом» и какое будущее ждет Китай в жерновах глобального кризиса и новой технологической революции? Какие особенности китайского менталитета должны учитывать предприниматели, стремящиеся вести дела с китайским бизнесом? Как наиболее рационально вести себя российским гражданам в Китае? На эти и многие другие вопросы авторы дают ответы – подробные, откровенные и нелицеприятные. Предлагаемую Вашему вниманию книгу можно без преувеличения назвать энциклопедией (хоть и краткой) китайской жизни XX и начала XXI века, которая станет полезной и бизнесменам, и туристам, и интересующимся культурой и историей Китая. И тем, кто пытается решить головоломку современной геополитики и угадать, что станет с миром в ближайшее десятилетие.

ISBN 978-5-8041-0758-2

© Делягин М. Г., 215

© Книжный мир, 215

Содержание

Введение	8
Часть I	17
Глава 1	19
1.1. «Пуп земли»	19
1.2. Диалектика и синтезирующий характер мышления	23
1.3. Образность мышления как фактор конкурентоспособности	24
1.4. Этническая солидарность	29
Глава 2	35
2.1. Органичность государственности	35
2.2. Стратегический характер управления	40
2.3. Прагматизм: подлинная религия китайского народа	42
2.4. Стойкость и упорство	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Делягин, Вячеслав Шеянов Империя в прыжке. Китай изнутри. Как и для чего «алеет Восток». Главное событие XXI века. Возможности и риски для России

© М. Г. Делягин, 2015

© В. В. Шеянов, 2015

© Книжный мир, 2015

* * *

Делягин Михаил Геннадьевич – доктор экономических наук, академик РАЕН. Сотрудник аппаратов президента и правительства (1990–2003 гг.), помощник премьер-министра (2002–2003 гг.). Основной разработчик программы Правительства РФ «О мерах по стабилизации социально-экономической ситуации в стране» (осень 1998). В 1998 году создал и по сей день возглавляет Институт проблем глобализации. Автор многочисленных публикаций и монографий.

Шеянов Вячеслав Владимирович – кандидат экономических наук, прошёл путь от специалиста до Управляющего директора Первого управления по работе с крупными клиентами ОАО «Внешторгбанк». Специализировался на финансировании реального сектора эко-

номики. Реализует собственный проект по созданию в России энергетической компании на принципах распределенной генерации.

Введение

Исторический аспект: не «возвышение», а возвращение

*Наконец-то нам дали приказ: наступать,
Отбирать наши пяди и крохи.
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.*

Владимир Высоцкий

Человеческая память коротка, а в современном мире, в котором информационные технологии успешно насаждают «клиповое сознание», – и того короче.

Жизнь отдельно взятого человека размывается и раздергивается на отдельные шажки в самых разных направлениях и к самым разным целям, в основном потребительским, и неумолимо утрачивает не только традиционный и поколениями казавшийся естественным смысл, но и обуславливаемую им целостность.

Люди «длинной воли», созидающие цивилизации, ценности и нормы общественной жизни, исчезают как сколь-нибудь распространенное и заметное явление.

Полотно истории человечества осыпается и превращается в забавный калейдоскоп, способный развлечь и иногда порадовать, но не обучить и мотивировать, – и люди все больше жаждут новых эмоций и переживаний, а не смыслов или даже пошлых, как нам казалось еще совсем недавно, интересов.

Иногда это называют постмодерном, – и, несмотря на все протесты и старательное «припадание к корням», он не только продолжается, но и неуклонно усугубляется. Возможно, дело в современных технологиях, которые приспособливают к себе не только общественные отношения – от семьи до человечества в целом, – но и сам облик человека, способ восприятия им мира и тип его мышления, систему его ценностей.

Захлебываясь во все более необходимой и все более заменяющей мир суете, мы забываем слишком быстро и слишком многое, стремительно утрачивая накопленный предшествующими поколениями культурный багаж, который, строго говоря, и делает нас людьми.

Вместе с ним мы, живя сегодняшним днем, утрачиваем и историческую память, – а с ней и способность правильно воспринимать людей и целые народы, погруженные в историю и продолжающие проживать ее почти каждый день своего существования.

К таким народам относится и китайский.

Даже самый необразованный китаец, – если, конечно, он не относится к числу беднейших крестьян, до сих пор влачащих в прямом смысле слова растительное существование, – сознает древность и величие тысячелетней истории своей страны и гордится ими.

Это чувство настолько всеобъемлюще, что иногда приобретает комический характер и даже мешает достигать поставленной цели.

В советское время один из авторов служил срочную службу недалеко от границы с Китаем и имел возможность изредка слушать радио вместе с друзьями – такими же, как и он, солдатами, но находившимися в основном на отдаленных «точках», где почти не было офицеров и, соответственно, дисциплинарного контроля. «Голос Америки», «Радио Свобода» и «Би-Би-Си» глушили, но их и так (как и «Немецкую волну», которую почему-то не глушили практически совсем) почти не пытались слушать, считая их антисоветскими. Интересно,

что это ощущение враждебности, совершенно непонятное для выходца из московской интеллигентной (и при этом глубоко патриотической и совершенно не диссидентской семьи), было сильно даже у тех солдат, которые весьма критически относились не только к власти партхозноменклатуры и КГБ, но и к советскому строю как таковому.

В результате слушали перестроенную советскую эстраду, а из разговорного радио – невесть каким капризом ионосферы устойчиво принимавшийся «Голос Греции из Афин» (вещавший на русском языке – вероятно, для тогда еще не уехавших из нашей страны греков) и «соседей» – китайское радио.

Отношения между Советским Союзом и Китаем были в то время все еще из рук вон плохи, тем более остро это ощущалось в Приморском крае: отданный китайцам после кровопролитных боев остров Даманский был совсем недалеко, а после «событий» на нем не прошло и 20 лет. Солдат запугивали китайскими диверсантами, якобы вырезавшими по ночам целые роты, а перед полковым плацем стоял огромный щит с плакатом «Воин, бди! До границы с Китаем 90 километров», на фоне которого было категорически запрещено фотографироваться в силу изложения в приведенном тексте военной тайны.

В этих условиях казалось вполне логично ожидать, что пропагандистские радиопередачи на языке очевидного противника будут направлены на подрыв его морально-политических устоев, на дискредитацию его власти и разложение иными методами, – в общем, будет китайским вариантом ранее названных западных радиостанций.

Так вот, ничего подобного!

Разница между китайским и западным мировоззрением и образом действий проявилась в содержании пропаганды с феноменальной ясностью: огромная часть китайских радиопередач была посвящена описанию древней китайской истории.

Разумеется, мы не имели о ней ни малейшего представления, а предельно занудная манера изложения в сочетании со специфически китайской хронологией (не по годам, а по династиям императоров) делала эти передачи невыносимо скучными и годными лишь на то, чтобы развлекаться забавным акцентом дикторов.

В то время реформы шли еще менее 10 лет, Китай был невероятно беден и мог, несмотря на уже шедший распад советского потребительского рынка, лишь бессильно завидовать уровню жизни нашей страны. Но его руководство гордилось своим совершенно непонятным для нас прошлым до такой степени, что рассказывало нам в первую очередь не о «ревизионизме» и прочих грехах нашего начальства, но о своей истории.

И эти органичные до неосознанности и полной несообразности уважение к себе и твердая вера в необходимость нести миру самые незначительные подробности своего бесконечно далекого прошлого производили впечатление, о котором сами китайские пропагандисты, скорее всего, даже и не подозревали. Это впечатление живо до сих пор, более четверти века спустя; оно пережилось в неприкосновенной чистоте и нашу великую страну, и тогдашнюю вражду наших народов.

На протяжении своей долгой истории Китай проходил через несколько периодов страшных смут, ставивших под вопрос само его существование, и разрушительных завоеваний чужеземцами. Войны, особенно междоусобные, велись с чудовищной жестокостью и сопровождались колоссальными жертвами: достаточно часто людей истребляли целыми обширными районами. Огромная часть населения постоянно жила в кромешной бедности. Но, несмотря на все это, китайская цивилизация сохраняла целостность, величие и колоссальное влияние как на экономику и политику, так и на культуру своих ближних (а порой и весьма дальних) соседей.

Феноменальны обстоятельства, например, пришествия чая на Русь. Они полузабыты, но оставили в нашем языке мощный след: именно от названия этого обыденного сейчас напитка образованы такие слова, как «чаяния» и «отчаяние», а официантам даже в самых последних притонах дают отнюдь не на водку, а именно «на чай». Насколько можно судить,

на неподготовленный организм в то время чай, этот совершенно безобидный и привычный нам сегодня напиток, оказывал влияние, сходное наркотическому, вызывая быстрое и надежное привыкание. В результате люди становились зависимы от потребления этого достаточно дорогого тогда напитка (вплоть до пропивания, причем именно в чайных, а не в рюмочных, своего имущества и впадения в бедность и даже в нищету), а сам он приобрел культовый характер не только в нашей стране, но и Великобритании (где существовала целая индустрия по сбору в богатых домах спитого чая, его высушивания и многократной перепродаже все более бедным слоям общества).

Другой пример влияния Китая – древнекорейские пирамиды на китайском берегу пограничной реки Ялуцзян. Эта святыня корейского народа (и достояние всего человечества) обильно украшена древними иероглифами, которые поразительно схожи с китайскими и весьма отдаленно напоминают современную корейскую письменность. Показательно, что сами китайцы стараются не привлекать к этому феномену внимания посетителей: с одной стороны, они не нуждаются в хвастовстве своей древностью, а с другой – полагают, что это может вызвать никому не нужное раздражение корейцев.

О влиянии же Китая на Японию, культура которой полна переосмысленных заимствований из китайской, не стоит и говорить: все слишком очевидно, несмотря на глубокие долговременные политические расхождения между двумя странами и глубокое недоверие (в самом лучшем случае) между народами.

Все мы знаем, что именно в Древнем Китае впервые в истории человечества были изобретены порох, фарфор, ракеты, компас, бумажные деньги и многие другие привычные нам сегодня достижения техники. Однако мы редко задумываемся о специфических особенностях культуры, которая практически не допустила массовое практическое применение этих выдающихся достижений: из всех выдающихся технических достижений китайской цивилизации лишь бумажные деньги использовались в массовом порядке не для развлечений.

Шокирующим представляется сегодня завершение китайского мореходства. Его достижения феноменальны: уже в 1420 году на китайских картах был вполне точно нанесен даже юго-западный берег Африки. Великий мореплаватель Чжэн Хэ (евнух и мусульманин по вероисповеданию) не просто занимался дипломатией и торговлей, но свергал местных правителей на Суматре и Шри-Ланке, отправляя непокорных в Китай. Его седьмая экспедиция (1431–1434 годы), в ходе которой он и умер, задолго до Васко да Гамы достигла восточного берега Африки (в районе Сомали; при этом китайские мореходы зашли и в Красное море).

Однако именно на основе результатов семи экспедиций Чжэн Хэ правители Китая сделали окончательный вывод о бессмысленности дальних морских экспедиций и бесперспективности контактов с большинством ближних и, особенно, с дальними соседями. Дорогостоящие морские экспедиции были прямо запрещены, а уникальный океанский флот (корабли которого превосходили современные им европейские суда по масштабам и не уступали по мореходным качествам) уничтожен. В результате самоустранения Китая маршруты, проложенные китайскими мореплавателями в Индийском океане (информацию о которых хранили китайские общины), затем использовались европейскими колонизаторами.

Тем не менее, будучи полностью самодостаточным и рассматривая себя как средоточие цивилизованности всего человечества, Китай процветал. В XVIII веке, накануне его болезненного «вскрытия» западным колониализмом, на его долю, по оценкам, приходилось около 30 % всей мировой экономики.

В частности, по имеющимся расчетам¹, в 1750 году Китай производил 32 % мирового ВВП. На долю Индии приходилось в то время 24 %, а на Англию, Францию, Россию, германские и итальянские государства в совокупности – лишь 17 %.

¹ Я. М. Бергер. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009.

В XVIII веке Китай вступил в полосу жестоких внутренних раздоров, гражданских войн и фактического разрушения государства, продолжавшуюся весь XIX век и окончательно преодоленную лишь Мао Цзэдуном, восстановившим единство государства (именно в этом заключалась его главная историческая заслуга, вполне очевидная с китайской точки зрения и невидимая для отечественного, долгое время чрезмерно идеологизированного, взгляда).

Поразительно, но к 1830 году, когда европейский капитализм осуществил грандиозный рывок, доля Китая в мировом ВВП снизилась незначительно – всего лишь до 29 %; правда, кардинально увеличившаяся доля пяти европейских стран достигла такого же уровня. При этом Великобритания производила 9,5 % мирового ВВП, что с учетом разницы в численности населения (18 млн. чел. в ней по сравнению с 400 млн. китайцев) означало более чем семикратное превышение душевого уровня ВВП.

Самоизоляция, феодальная отсталость, бюрократическая окостенелость Китая не позволили ему сопротивляться натиску империалистических колонизаторов, и к 1900 году его доля в мировом ВВП рухнула до 6 % (а Индии – вообще до 1,7 %). Пять европейских стран производили 54,5 % мирового ВВП: Великобритания – 18,5 %, Германия – 17,9 %, Россия – 8,8 %, Франция – 6,8 %, Италия – 2,5 %; доля США уже тогда составляла сопоставимые с нынешними 23,6 %, а Япония в результате революции Мэйдзи практически догнала Италию – 2,4 %.

В 1970–1985 годах доля Китая в мировой экономике, по данным МВФ², составляла лишь 2,4–2,6 % (доля Индии – 1,7–1,9 %), а в 1990 году, несмотря на позитивную динамику первого этапа экономических реформ, и вовсе снизилась до 1,7 % (Индии – до 1,4 %). Доля США в то же двадцатилетие колебалась между 23,7 и 32,9 %, доля крупнейших европейских экономик – Германии, Великобритании, Франции и Италии – между 15,8 и 21,1 %, а доля Японии более чем удвоилась, увеличившись с 6 до 13 %.

Несмотря на глубокую дезорганизацию и разложение государства (на фоне чудовищного перенаселения) второй половины XVIII – начала XIX века, а также дивящуюся на протяжении жизни нескольких поколений колониальную и постколониальную катастрофу, тысячелетнее величие вошло в плоть и кровь китайского народа, стало неотъемлемой, неустранимой частью его самосознания.

Конечно, в ведущих растительный образ жизни крестьянах, в нищих, тысячами замерзавших на улицах в морозные ночи,³ в бесправных забитых кули, бежавших в поисках лучшей доли на край земли, не оставалось и тени собственного достоинства: это общая судьба бедняков, поколениями стоящих на грани выживания. Но китайская культура, сохраняющая и передающая потомкам дух нации, сохранила гордость и самоуважение, с высоты и на фоне которых даже безысходный и бесконечный для отдельного человека ужас воспринимался как временное помрачение, не способное принципиально изменить общий закономерный хода дел.

² Данные рассчитаны на основе обменных курсов национальных валют, которые дают более полное представление о месте стран в глобальной конкуренции, так как, в отличие от паритета покупательной способности, учитывают страновые риски (с точки зрения доминирующего американского капитала, становящегося основой глобального капитала). Поэтому в условиях глобальной конкуренции представляется полностью оправданным переход от сопоставления стран по паритету покупательной способности к их сопоставлению по рыночным обменным курсам валют. Для сохранения сопоставимости отметим, что доля Китая в мировой экономике по паритету покупательной способности выросла за 1980–1990 годы с 2,2 до 3,9 %, а доля Индии – с 2,5 до 3,2 %.

³ Так, утром 1 февраля 1796 года на улицах Пекина было подобрано около 8 тысяч замерзших нищих. (С. А. Нефедов. О демографических циклах в истории Китая (XIV–XIX века). М., ИНИОН РАН).

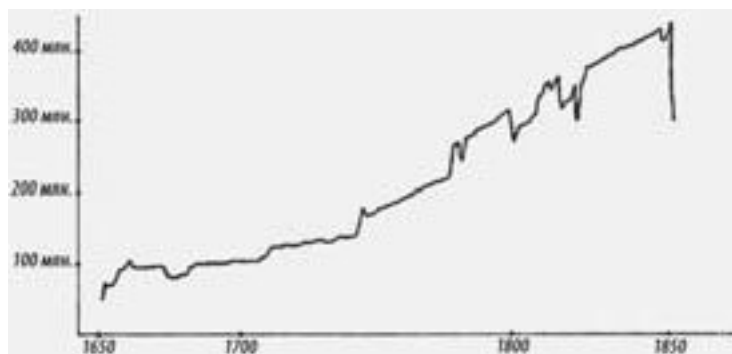

Рис. 1. Численность населения Китая в XVII–XIX веках (реконструкция Чжоу Юаньхэ⁴). Скачкообразный рост показателей в 1740-х и 1770-х годах объясняется улучшением учета, падение в 1810-х и 1820-х годах – прекращением учета в областях, охваченных восстаниями

И даже затем – уже совершенно в иное время, после кратковременной передышки – разрушительная «культурная революция», развязанная Мао, производила впечатление простой локальной ошибки, кратковременной политической флуктуации, не имеющей принципиального значения и не меняющей прошлого и будущего величия китайской судьбы.

С другой стороны, бурный рост последних десятилетий, превративший Китай в главное событие конца XX – начала XXI века и безо всякого преувеличения ставший психологическим шоком для целого поколения россиян, воспринимается китайцами не как чудо, не как прорыв в ослепительное будущее, а всего лишь как возвращение себе законных позиций, восстановление самоочевидного порядка вещей, возвращение к естественному ходу дел, – не столько как феноменальный успех, сколько как простая нормализация и восстановление исторической справедливости.

Стремительное возвышение Китая, на глазах превратившее его во вторую экономическую и политическую силу мира, для многих китайцев – лишь начало возвращения на его законные позиции глобального лидера (а то и гегемона).

* * *

Возвышение Китая началось на фоне уничтожения Советского Союза и во многом было результатом процесса освоения Западом постсоветского мира. *Еще маоистский Китай, несмотря на низкое качество управления, прекрасно использовал биполярное противостояние: антисоветская истерия 60-х годов, нападение на Даманский в 1969 году и почти неизвестная в наших странах, но чудовищная по ожесточенности, по сути дела, краткосрочная война на китайско-советской границе на территории нынешнего Казахстана (относительно не сводящаяся к инцидентам у Дулаты и Жанашиколя) были для китайских лидеров в значительной степени всего лишь приглашением США к стратегическому партнерству против Советского Союза. Характерно, что даже столь пронизательные лидеры, как Киссинджер и Никсон (самый недооцененный американский президент, последний, кто пытался отстаивать национальные интересы страны против интересов американского же глобального бизнеса) смогли осознать это приглашение, вполне очевидное для любого, хоть как-то знакомого с китайской культурой, лишь с опозданием на несколько лет.*

С разрушением Советского Союза и открытием для внешней конкуренции рынков постсоциалистического мира Китай получил свою долю последних, но главным его призом стало

⁴ Чжоу Юаньхэ. Циндай жэнькоу янцзю (Исследование народонаселения в эпоху Цин) // Чжунго шихуэй кэсюэ. 1982. № 2.

отвлечение внимания развитых стран. Всецело занятые «пиром победителей», ослепленные упоением от собственной победы, они проморгали появление нового стратегического конкурента, который вполне реально может сменить их в роли лидера глобального развития всего человечества. Недаром даже маоизм, при всей его интеллектуальной и моральной скудости, сумел почти нечаянно украсть у буржуазии тогдашних развитых (не говоря уже о развивающихся) стран целое поколение ее молодежи.

Распад Советского Союза создал колоссальную угрозу формирования в мировом масштабе вполне тоталитарной диктатуры глобальных монополий, слегка прикрытой американским доминированием. Сегодня, на фоне уже давно ставшего хорошим тоном негодования против «однополярного мира», реальность и масштаб той опасности уже давно и прочно забыты. Ведь складывавшаяся монополия была не только надежно замаскирована «демократическими институтами» Запада, но и сакрализована блистательной в своей назидательности победой «свободного мира» над «империей зла», исчезновением «советской военной угрозы» и реального, повседневного страха гибели в ядерной войне, «деятельным раскаянием» советского руководства во главе с Горбачевым. Протестовать против новых хозяев мира после провала Советского Союза никому в принципе не могло даже прийти в голову: это было примерно то же самое, что протестовать против только что победивших добра и свободы.

Самая страшная, самая тотальная диктатура – та, которая, служа низменным корыстным целям, опирается, тем не менее, на моральный авторитет и искреннюю поддержку.

Скачкообразное развитие Китая нейтрализовало эту вполне серьезную угрозу тогда (первую «войну нервов» Китай выиграл у США еще в 1997 году⁵) и тем более успешно нейтрализует сейчас. Тем самым он возвращает мир не просто к привычному биполярному противостоянию двух сверхдержав, но к значительно более устойчивому и потому надежному положению, при котором целый ряд относительно самостоятельных держав «второго уровня», преследуя свои интересы, выполняют роль сдерживающей силы, не допуская чрезмерного обострения конфликта между двумя лидерами. Этим «поясом стабильности» являются сегодня и будут оставаться в обозримом будущем как минимум Евросоюз и Япония, – а при геополитической удаче и разумном руководстве еще и Индия с Россией.

Принципиально важно, что биполярное противостояние будет сохраняться (по крайней мере, еще длительное время) не только на уровне национальных государств (в условиях глобализации постепенно размываемых современными технологиями и потому сходящих с авансцены развития человечества), но и на главном уровне современного развития, надстроившимся над государственным, – на уровне глобального бизнеса.

Обе его противостоящие группировки (все более условно связываемые с финансовыми группами Ротшильдов и Рокфеллеров) принадлежат к Западу, но сегодня они дополняются качественно новым, третьим игроком, отнюдь не растворяющимся в них, как это было с предыдущими «восходящими звездами», – китайским (в основном остающимся формально государственным) бизнесом, который стремительно приобретает глобальный характер.

Неразрываемость китайского бизнеса, его обособленность от существующих глобальных структур и непоглощаемость ими непосредственно вызвана тем, что Китай по своему характеру (как, впрочем, и наша страна, его предшественник в глобальной конкуренции) является не столько страной или тем более государством, сколько цивилизацией.

Своим возвращением на авансцену мировой истории Китай знаменовал, а во многом и обусловил переход от привычной нам межгосударственной конкуренции к качественно новой конкуренции – цивилизационной. Глобальная борьба, со времен Вестфальского мира ведшаяся между государствами, сначала порождаемыми нациями, а затем и формировавшими их в соответствии со своими потребностями, теперь ведется между цивилизациями. Соответ-

⁵ Подробней см., например, М. Г. Делягин «Мировой кризис. Общая теория глобализации» М.: Инфра-М, 2003.

ственно, поскольку цивилизация явление более культурное, чем экономическое, глобальная борьба, бывшая сначала военной, а затем – коммерческой, на наших глазах все более сдвигается в сферу культуры, – и символом, олицетворением этого процесса становится неумолимое возвышение Китая.

* * *

Данная книга посвящена описанию специфики, современного положения и перспектив Китая, – и, главное, значению этого для нашей страны и нашего народа.

Первая часть книги рассматривает главное – социокультурную специфику Китая, необходимую для понимания отличия базовых закономерностей его развития от основных закономерностей развития западной цивилизации. Культура – это образ мышления и образ действий, взятые в своем единстве; без понимания особенностей той или иной культуры нормальное взаимодействие с ее носителями, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне попросту невозможно.

После рассмотрения ключевых базовых, фундаментальных особенностей китайской цивилизации авторы переходят к описанию черт национального характера, вызванных, по мнению авторов, конкретно-историческими причинами.

Заканчивается первая часть книги практическими советами представителям иных культур, начинающим свое взаимодействие с Китаем и не накопившим еще значительного собственного опыта.

Вторая часть посвящена новой и новейшей истории Китая, заключающейся в освоении им в ходе национально-освободительной борьбы социалистических ценностей и в последующем приспособлении их к традициям, особенностям и интересам китайской культуры и китайского народа. Этот процесс – возможно, несколько самонадеянно, – назван авторами «окитаиванием социализма» и представляет собой процесс пробуждения самосознания великой нации, ее ученичества и, наконец, зрелости.

Этот процесс связан с именами трех великих китайцев XX века – Сун Ятсена, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина; в силу практической нацеленности книги на понимание именно сегодняшних реалий наибольшее внимание уделяется последним, оказавшим на современный Китай максимальное влияние.

После анализа их деятельности подробно рассматривается современный этап развития Китая: расширение комплекса все более глубоких диспропорций в условиях беспрецедентно длительного быстрого роста экономики, ведущее к наглядной исчерпанности стандартной рыночной модели и ставящее Китай перед необходимостью нового кардинального изменения доминирующего типа общественных отношений.

Третья часть книги посвящена сегодняшней ситуации и ближайшему будущему Китая, оказавшемуся на грани драматического перелома. В трех главах рассматриваются три основные группы противоречий, настоятельно требующих разрешения.

Прежде всего, это вынужденная в условиях приближения к глобальной депрессии переориентация экономики с внешнего на внутренний спрос, неминуемо сопровождающаяся болезненным снижением рентабельности.

Вторая группа противоречий порождена глубокой социальной трансформацией общества и связана с обостряющимися конфликтами не только между богатыми и бедными, представителями экономической и военно-политической власти, а также между различными регионами и национальностями.

Значительно более глубоким и опасным противоречием представляется формирование в рамках одного и того же общества социальных групп с совершенно различными образами жизни и системами ценностей: грубо говоря, «информационно-сервисной», свойственной далеко не только мегаполисам, но ярче всего представленной именно в них, а также «индустриальной», свойственной промышленным районам, – и традиционной крестьянской. Все эти группы широко представлены и в интеллектуальной, и в информационной сфере, и в сфере реальной политики: расхождение между ними все глубже разделяет китайское общество, извне все еще кажущееся отдельным наблюдателям неразделимым монолитом.

Наконец, значительную группу противоречий, недооцениваемых западной наукой просто потому, что западные общества в своей истории почти не сталкивались с подобными проблемами, создает крайняя неравномерность демографических процессов. Это и пресловутый растущий разрыв в численности юношей и девушек, и увеличение количества пожилых людей, и, главное, чудовищный культурный разрыв между воспитанными в рамках традиционной культуры родителями и полностью раскрепощенными, по-западному эмансипированными детьми.

Четвертая часть книги рассматривает современные перспективы Китая в глобальной конкуренции – прежде всего в условиях предстоящего всему нашему миру срыва в глобальную депрессию. Особое внимание уделяется внешним возможностям (в первую очередь, значению прорыва представителей Китая в состав формирующегося глобального управляющего класса) и внутренним ограничениям, к которым относятся культурные барьеры и трудно объяснимая, но вполне очевидная цикличность истории Китая.

Пятая, заключительная часть книги посвящена анализу значения современного Китая для современной России. Это значение характеризуется вполне диалектичным сочетанием возможностей и опасностей. Поэтому после тщательного анализа факторов, превращающих Китай в естественного стратегического союзника нашей страны, авторы столь же тщательно анализируют угрозы, связанные с этим партнерством, – попутно развеивая неминуемо большое количество мифов о пресловутой «желтой опасности».

Отдельно анализируется взаимосвязь регионального и глобального сотрудничества двух стран и народов, так как разномасштабность диктует в данном случае не только разноаспектность: иногда возникает ощущение, что взаимодействие на региональном и глобальном уровне разворачивается между совершенно разными парами государств.

Заключение посвящено описанию требований, объективно предъявляемых к России бурным развитием Китая, и ограничений, столь же объективно накладываемых им на нас. Строго говоря, сочетание этих требований и ограничений формируют вполне органичную и, как это ни странно, достаточно всеобъемлющую государственную политику России, – как если бы для понимания своих задач и проблем нам не надо было бы жить «в прекрасном и яростном мире», а достаточно было всего лишь иметь своим соседом (в том числе вовсе не обязательно близким) Китай.

* * *

Мы выражаем глубокую и искреннюю благодарность прежде всего своим китайским товарищам, открывшим нам двери в свою страну и одарившим нас неоценимым опытом и знаниями. Мы счастливы подаренной нам возможности увидеть великий Китай изнутри, без прикрас и рекламы, с разных точек зрения и из разных систем ценностей, глазами самих, очень сильно отличающихся друг от друга китайцев.

Однако, поскольку далеко не все, написанное в этой книге, понравится нашим проводникам и учителям, – и в особенности их разнокалиберным руководителям, – мы воздержимся

от перечисления их имен, предпочитая выражать нашу благодарность индивидуально, с глазу на глаз, в том числе и для того, чтобы точно так же, с глазу на глаз и без совершенно излишней для нас огласки получать причитающуюся нам порцию вполне заслуженных нами возражений и критики.

Ибо все возможные фактические ошибки, неточности и политически неграмотные предположения целиком и полностью лежат на совести авторов, невольно, в силу добросовестных заблуждений искаживших компетентное мнение прекрасных специалистов, с которыми нам пришлось общаться.

Мы считаем своим долгом отдельно поблагодарить российских китаистов и просто людей, обладающим значительным жизненным опытом, знакомство с которыми (или трудами которых) позволяло нам в целом ряде случаев понимать, что же именно означали на самом деле те явления, с которыми мы сталкивались. Общение с ними и их работами оставило в нас глубокий культурный и методологический след. Это, прежде всего:

- Виля Гдаливич Гельбрас, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова;
- Кирилл Солонин, доктор философских наук, профессор;
- Владимир Малявин, профессор Тамканского университета (Тайвань);
- Игорь Сундиев, главный научный сотрудник ВНИИ МВД, профессор, доктор философских наук;
- Виктор Ульяненко, китаист;
- покойный Владилен Борисович Воронцов, синолог (китаевед) и американист, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»;
- Анна Репецкая, д.ю.н., профессор, заместитель по науке директора Иркутского юридического института Российской правовой академии Минюста России;
- Владилен Буров, китаист и историк философии, соавтор китайско-русского словаря новых слов и выражений (2007 год);
- Петр Гваськов, исполнительный секретарь Союза военных китаеведов;
- Бронислав Виноградский, специалист в области древней китайской философии;
- Алексей Советов, предприниматель (Эстония).

По указанным выше причинам, все более полно и гармонично объединяющим Россию и Китай, этот список также не может быть полон и содержит людей, передавших нам ощущения общих закономерностей, но ни в коем случае не конкретные факты.

Все ошибки, неточности, спорные места и «провокации, способные ухудшить отношения и затруднить сотрудничество между двумя великими державами», если они по какому-то странному недосмотру и содержатся в данной книге, – всецело и полностью принадлежат исключительно нам, и мы заранее приносим в связи с этим извинения всем заинтересованным и не заинтересованным сторонам.

Часть I

Социокультурная специфика: беглый практический очерк

Попав в Китай или плотно общаясь с китайцами в других странах, очень быстро начинаешь даже не понимать, а ощущать всем телом: это не просто другой народ и другая культура – это совершенно иная цивилизация.

Если бы существовали на земле потомки инопланетян – это были бы не загадочные тибетцы или неведомые племена Амазонии, а именно китайцы. Вроде бы точно такие же, как и мы – и вместе с тем совершенно иные, принципиально отличающиеся не только образом действия, но и способом мышления и в целом восприятия окружающего мира.

Недооценивать масштаб наших различий – значит постоянно ставить себя в нелепое положение, тратить силы на бессмысленные, заведомо не воспринимаемые (или воспринимаемые неправильно) действия, проходить мимо прекрасных возможностей.

Но, конечно, в то же время нельзя и переоценивать этот масштаб. Иначе можно уподобиться последнему поколению советских руководителей, решительно отказавшихся от «китайского пути» развития на том (высказывавшемся вполне серьезно) основании, что «для этого в стране слишком мало китайцев».

Этот «недостаток», как мы в последние полтора десятилетия видим на улицах наших городов (но отнюдь не в официальной статистике и не в словах наших и китайских руководителей), стремительно устраняется. Но, разумеется, отнюдь не по этой причине понимание «китайского пути» как наиболее разумного и целесообразного становится все более широким, – и вместе с тем становится все сильнее сожаление об упущенном шансе. Ведь при разумной политике нашего бывшего руководства «китайский путь» именовался бы в сегодняшнем мире «советским», а Советский Союз не просто сохранился и процветал бы, но и продолжал уверенно конкурировать с США за мировое лидерство.

В настоящее же время правильное понимание китайцев значительно более важно для нас, чем даже понимание американцев или европейцев, – и в то же время это значительно более сложная задача. Однако ее решение окупается сторицей: хотя бы демонстрируя такое понимание (или даже простое стремление к нему), вы со временем сможете наладить с китайцами адекватное сотрудничество, – или, по крайней мере, избежите ненужных конфликтов.

В любом случае, чем полнее вы учитываете национальные особенности, традиции и обычаи своих партнеров, чем лучше вы их понимаете, – тем более продуктивным (или хотя бы менее опасным) будет для вас взаимодействие с ними.

Если же вы сможете приблизиться к настоящему, глубокому пониманию их духа и культуры, вы почти неизбежно полюбите этих очень своеобразных, жестких и рациональных, но прекрасных людей.

Нижеследующие главы ни в коей мере не претендуют на полноту. Более того: Китай меняется так стремительно, что к моменту прочтения настоящей книги некоторые ее положения и даже выводы уже вполне могут устареть.

Не стоит забывать, как в 2000-е годы новые карты, например, Пекина печатались каждый год, – просто потому, что город строился и менялся с такой скоростью, что прошлогодняя карта уже оказывалась не соответствующей действительности и, строго говоря, непригодной. После Олимпиады 2008 года скорость изменений, естественно, снизилась, но они все равно остались весьма значительными, – и в Пекине, и в большинстве других регионов Китая.

Нельзя исключить, что содержание нижеследующих глав (как, впрочем, и вся настоящая книга) вызовет решительный протест у той части специалистов, которая искренне убеждена

в недопустимости высказывания собственных мнений о Китае со стороны не имеющих соответствующего диплома или, на худой конец, не живущих на китайские гранты (авторам приходилось сталкиваться с этой позицией, высказываемой очень искренне и органично). Парадоксальным образом Китай, сам по себе, несмотря на внутренние иерархии и воспоминания о «китайских церемониях», совершенно не склонный к пустому снобизму, может порождать самые вульгарные его формы у некоторой части людей, сделавших изучение этой великой цивилизации своей профессией.

Однако авторы, не будучи профессиональными синологами, по долгу своей работы весьма плотно общались с самыми разными представителями Китая на протяжении долгих лет и считают себя не просто имеющими право, но и прямо обязанными донести до читателя наиболее важные с практической точки зрения – или же показавшиеся им наиболее оригинальными – черты китайского характера.

Профессиональная же ревность, снобизм и даже попытки недобросовестной конкуренции также, безусловно, представляют огромный интерес, – но уже не для авторов, а для психологов или культурологов, изучающих влияние предмета изучения на специалистов, посвятивших ему свою жизнь.

Существенно и то, что, как выяснилось, в том числе и при написании этой книги, в силу масштабов и разнообразия Китая представления о нем, сложившиеся даже у плотно сотрудничающих с ним людей, часто диаметрально различаются. Приведенные ниже наблюдения и умозаключения представляют собой результат долгих и тяжелых дискуссий между авторами, – но мы понимаем и должны заранее предупредить о том, что консенсус между нами отнюдь не обязательно совпадет с наблюдениями многих наших уважаемых читателей.

Не столько потому, что кто-то прав, а кто-то нет, сколько в силу исключительных масштабов и, главное, внутреннего разнообразия Китая.

Глава 1

Ключевые особенности китайской цивилизации

1.1. «Пуп земли»

Многие переводы на проверку оказываются неточными просто из-за интеллигентности ученых, которые делали их первыми, нечаянно закладывая лингвистическую традицию.

Смысл общепринятого перевода самоназвания Китая на русский язык – «Срединная империя» – значительно точнее и без всяких ненужных красот переводится термином «Центральная империя», а еще точнее – простым и утилитарным «пуп земли».

Именно этот просторечный термин, несмотря на его некоторую вульгарность, наиболее полно и понятно (и, скажем прямо, завидно для нас, слишком часто живущих по принципу «каждый кулик хает свое болото») выражает самоощущение обычного китайца, его отношение к своей Родине и своему народу.

Сегодня, когда Китай имеет колоссальные, невероятные основания для национальной гордости, подобное восприятие себя не только кажется представителям иностранных культур вполне естественным и рациональным, – оно характерно для представителей деловых и политических кругов почти всего мира, который современный Китай, подобно Атланту, держит на своих плечах, на некоторое время, но все же спасая от глобального кризиса.

Ниже мы подробно рассмотрим актуальный вопрос о том, как долго это может продолжаться и чем кончится, – но здесь и сейчас отметим иное: так было далеко не всегда.

Долгие столетия Китай находился в чудовищном, нищенском, разрушенном состоянии. Величие многих развитых стран, но в первую очередь блеск и богатства английской короны опирались на насильственную наркотизацию китайского народа, коррупционное разложение и удержание в полном ничтожестве китайского государства.

Искренние попытки многих политических деятелей укорить американцев фантастическим ростом производства наркотиков в Афганистане после его оккупацией войсками США и их сателлитов по НАТО вызывают жалость и свидетельствуют лишь о дурном образовании. Никогда не стоит забывать, что Великобритания, а с ней и вся современная западная цивилизация добилась лидерства и богатства не только за счет стимулирования технического прогресса, но и за счет прямого, явного и открытого грабежа колоний, торговли рабами и наркотиками.

А память о методах достижения успеха так же сильна и приятна, как и о самом успехе. Поэтому соответствующий образ действия заложен в культурный код, в социальный генотип современного Запада и в особенности его англосаксонской части. Именно поэтому в рамках его политической культуры граждане многих стран де-факто просто не считаются людьми (и их можно убивать, в крайнем случае, бомбить без зазрения совести, причем отнюдь не только в ходе истребления цыган, евреев и славян-«унтерменшей»). Именно поэтому наркоторговля de facto является (хотя это, разумеется, и не признается публично) важным фактором социальной селекции и саморегуляции ряда западных обществ.

Китай пытался сопротивляться.

Понадобились две жестокие «опиумные войны», чтобы юридически, в рамках норм международного права закрепить право европейцев (прежде всего англичан, французов и американцев) широкомасштабно уничтожать китайцев, приучая их к наркотикам.

Кстати, существенное уважение, до сих пор во многом испытываемое к России в Китае, отчасти связано и с тем, что наши купцы и чиновники, в отличие от представителей Великобритании, Франции и США, не принимали в этом кошмаре никакого участия.

Однако даже в аду насильственно навязанной опиумной пандемии, когда до 10 % населения прибрежных районов были наркоманами, когда иностранные купцы не могли найти в Китае серебра – оно все шло в уплату за опий, население катастрофически сокращалось, а государства практически не существовало, – даже тогда Китай (разумеется, не весь, а его образованная часть) искренне и очень органично считал себя единственным центром цивилизации.

Крайнее самоуважение не только носит обычный для любого национализма иррациональный характер: в данном случае оно подкреплено пониманием массы и истории своей страны и своего народа, а на протяжении жизни последнего поколения – еще и грандиозного, небывалого в истории человечества (по крайней мере, как кажется нам сейчас) успеха.

Однако в значительно большей степени он является результатом культурной политики, проводившейся, безо всякого преувеличения, на протяжении тысячелетий:⁶ китайский народ практически на протяжении всей своей истории последовательно, неустанно и изобретательно воспитывался в твердом убеждении, что является самым способным и самым великим, а вокруг него живут варвары, не знающие элементарных культурных норм (и обозначаемые с восхитительной простотой – по сторонам света; при этом сам Китай, «Срединное царство», является наряду с четырьмя традиционными отдельной стороной света – «серединой»).

Самый бедный, самый необразованный и неудачливый китаец преисполнен убеждения, что он гарантированно превосходит любого самого успешного и умного «варвара» своей историей.

Единственным исключением из этого правила являются евреи. Китайцы испытывают к ним колоссальное уважение, граничащее с обожествлением. Официальным обоснованием этого является признание евреев единственным народом с не менее длительной и богатой историей, чем у китайцев, но, возможно, играет свою роль и коммерческая успешность евреев, которая не может не вызывать живого отклика у другого коммерчески ориентированного народа.

Легенды о гениальности евреев стали фольклором; устойчивый термин «китайский еврей» является высокой похвалой и означает умного китайца, добившегося заслуженного успеха в жизни.

Евреи являются единственным народом, ребенок от представителя которого и китайца (или китаянки) официально не считается китайцем по национальности.

Современное население Китая убеждено в главной роли Китая во всей истории человечества. Все значимые изобретения были сделаны именно в Китае, а опередившие его по уровню своего развития страны всего лишь «временно получили преимущество» (как правило, не «добились», а именно «получили» его!)

Китайские историки свято верят, что Китай всегда был самой сильной страной, а поражения изобретательно объясняют случайным стечением неблагоприятных обстоятельств: разобщенностью, численным превосходством варваров, обманом и тому подобное. Трактовка плохого состояния Китая до начала реформ в 1979 году потрясает своей простотой: «внешние враги завидовали силе Китая и временно лишили страну величия».

Разумеется, чем менее образован человек, чем уже у него кругозор, – тем сильнее он убежден в величии своей страны, однако в той или иной степени это убеждение является общим состоянием всего китайского народа, представители которого исходят из него в своей повседневной жизни.

⁶ Многие россияне (да и представители Запада), долгое время живущие в Китае или длительное время сотрудничающие с китайцами, считают представления о длительности китайской истории сильно преувеличенными. Фразы вроде «китайцы без каких бы то ни было оснований приписывают себе пять тысяч лет истории» встречаются довольно часто. Однако авторы данной книги полагают, что преувеличения в области национальной истории не выходят за рамки обычных для других цивилизаций, а специфика Китая говорит сама за себя, – и придерживаются в этом вопросе традиционной точки зрения.

Русский мазохизм деятелям китайской культуры и в целом китайцам совершенно непонятен и глубоко чужд.

Проникновенное осознание своей цивилизованности имеет, как и всякая медаль, оборотную сторону, – восприятие представителей иных культур как «варваров». Это восприятие будет снисходительным и вполне комфортным для Вас, пока Ваши интересы и настроения не противоречат интересам и настроениям Вашего партнера или случайного попутчика, но в случае появления таких противоречий может быстро стать весьма неприятным для Вас, а то и агрессивным.

Обычное наименование европейца в Китае – «лао-вай» – изначально не несет в себе никакого пренебрежительного смысла. Вопреки распространенным легендам и лобовым переводам, часто попадающим не только в российских, но и в европейских словарях, слово «лао» означает «истинный» (а также «старый» и используется в уважительном обращении к старшим⁷), а «вай» – иностранный (и употребляется в таких, например, «оскорбительных» словосочетаниях, как «Министерство иностранных дел»).

Таким образом, «лаовай» означает всего лишь «истинный», «настоящий» иностранец, то есть иностранец-европеоид, а не азиат (в противовес, например, монголам, вьетнамцам и японцам).

Исторически слово «лаовай» несло в себе негативный оттенок, однако он был вызван не самим по себе значением этого слова, как любят рассказывать некоторые китаисты (распространение легенд о Китае вообще является любимым занятием многих из них, – особенно тех, кто не жил долго в Китае и не работал в нем), а общим отношением к иностранцам как к варварам. Существенную роль играет и то, что не имеющий опыта жизни в Китае турист или просто иностранец обычно действительно ведет себя как профан, неопытный человек, а то и откровенный недотепа (что, строго говоря, естественно).

Однако на практике рост общения с европейцами и американцами привел к тому, что в быту уничижительный смысл слова «лаовай» (невежда, не знающий обычаев) в значительной степени утрачен, – чего нельзя сказать о книгах, по которым продолжают учиться многие китаисты (кроме того, порой он продолжает использоваться с уничижительным оттенком и в самом Китае, – как при употреблении в сердцах, в отдаленных его регионах, жители которых почти не сталкиваются с иностранцами).

С учетом исторического опыта в официальной речи и документах иностранцев именуют «вайгожэнь», но в быту эта формула не применяется.

Использование слова «лаовай» напоминает использование слова «негр»: оно не было и не является ругательством в нашей стране, однако официальные лица стараются его избегать, говоря что-то вроде «наши друзья из Африки» или «африканцы» (аналог «вайгожэнь»), – а в быту, особенно в сердцах, слово «негр» может приобрести и негативный оттенок. Точно так же в японском языке «гайдзин» означает всего лишь «чужак».⁸

Вместе с тем массовая культура Китая подразумевает восприятие иностранца, вне зависимости от того, как его называть, как варвара и невежу. Китаец без всяких внутренних проблем, а часто и с готовностью признает, что иностранец превосходит его интеллектом, знаниями и умениями, но воспринимает это не более чем как «временное преимущество», которое надо быстрее перенять, чтобы превзойти его.

⁷ Существенно, что, употребляемое перед именем, слово «лао» носит дружеское и даже панибратское значение «старина», а после имени – одну из высших форм уважения, выражаемых младшим по возрасту старшему. Так, когда Дэн Сяопин в ссылке, лишенный социального статуса, работал на заводе, он был для заводского партийного руководства «Лао Дэн» – «старина Дэн»; когда же он возглавил государство, даже для своих долгих и близких соратников он стал «Дэн Лао».

⁸ И это слово надо отличать от «бака гайдзин» – «глупый чужак», который ближе всего к жаргонному, но тем не менее хорошо понятному многим современным россиянам термину «чмо».

Никакого сомнения в возможности превзойти иностранца не существует в принципе: ее залогом является величие китайца, несколько тысяч лет истории и великие свершения китайского народа, о которых он никогда не забывает и сознание которых поддерживает его в любых, сколь угодно сложных ситуациях.

Самый неудачливый, самый бедный, самый забитый китаец абсолютно убежден в своем культурном и историческом превосходстве над «лаоваями».

Однако никакого пренебрежения к ним, в отличие от даже совсем недавнего прошлого, из этого не следует.

Разумеется, в китайском языке существуют и сознательно оскорбительные наименования для иностранцев. Японцев прямо называют «японские черти», и крайне негативное отношение к ним было распространено и до антияпонских кампаний, еще в то время, когда государство отчаянно, всеми силами завлекало в страну японских инвесторов⁹. Европейцам выпали термины «белые обезьяны», «волосатики», «грубые варвары» и так далее, – но аналоги встречаются в большинстве языков мира.

Гордость за свою историю и культуру легко сочетается у китайцев с пониманием своих проблем и недостатков. Так, стандартные для нашей культуры сетования на то, что русские (или украинцы, или белорусы) по отдельности являются очень умными и эффективными, а, собранные вместе, утрачивают свои позитивные качества и удесятерят негативные, часто вызывают у китайцев бурное удивление и искренний пересказ их собственной аналогичной поговорки: «один японец – баран, много японцев – дракон; один китаец – дракон, много китайцев – стадо баранов».

Понимание культурных недостатков демонстрирует и государство. Некоторое время назад, когда китайские туристы официально были признаны каким-то международным органом самыми невоспитанными и некультурными в мире, это вызвало немедленную реакцию. Представители государства стали проводить весьма жесткие разъяснительные беседы о том, как надо и как не надо вести себя за границей, в ряде случаев была введена система поручительств за нормальное поведение китайцев, отправляющихся в туристические поездки, а о выпуске справочных материалов и обучающих фильмов не приходится и говорить.

Одним из неотъемлемых элементов пропагандистской подготовки к Олимпиаде 2008 года в Пекине наряду с широким оповещением мировой общественности об обучении волонтеров и полицейских английскому языку было точно такое же оповещение о разъяснительной работе с целью отучить пекинцев плевать в общественных местах.

Работа эта принесла результаты, хоть и ограниченные, но в данном случае для нас важно иное: не только рядовые китайцы, но и государственная пропаганда совершенно не стесняется признавать проблемы и недостатки не только китайского общества, но даже и китайской культуры, – и считает правильным демонстрацию старательной работы по их исправлению.

Таким образом, китайский национализм носит вполне естественный, органичный характер и в обычной жизни не создает проблем для иностранцев. Хотя нам все же не стоит забывать, что для наших партнеров единственные люди в полном смысле этого слова – китайцы, а остальные являются всего лишь незавершенными переходными этапами к этому состоянию или же тупиковыми ветвями эволюции.

⁹ Бытовое отношение к японцам и через 70 лет после резни в Нанкине весьма напоминало отношение к немцам в российской глубинке, отголоски которого авторы еще застали в 70-е годы. Так, один из китайских аспирантов категорически отказался дать закурить своему коллеге из Японии, находившемуся на стажировке в его вузе, а в ответ на недоумение того объяснил, как ему казалось, вполне исчерпывающе: «ты же японец». Когда японский аспирант совершенно искренне выразил свое даже не возмущение, а недоумение этим, китаец сначала потребовал от него немедленно убраться, а потом полез в драку, – и рассказывал затем об этом с гордостью. Этот китайский аспирант не выделялся какими-либо патриотическими настроениями, довольно критично относился к китайским реалиям и даже к некоторым элементам политики государства. События происходили до начала антияпонской кампании.

Строго говоря, подобный национализм свойственен большинству народов, задумывающихся о собственном месте в истории, – в том числе и не имеющим для этого по-китайски глубоких и веских оснований. В конце концов, можно вспомнить массовое отношение к нам прибалтов и поляков (не говоря о финнах, более 85 % которых, живя все послевоенное время в значительной степени за счет нашего спроса на свою продукцию, по самым разным социологическим опросам устойчиво продолжают считать нас своими врагами), для элит которых ненависть к России, похоже, стала вполне удовлетворительным заменителем созидательной национальной идеи и инструментом конструирования если и не своих наций, то, во всяком случае, своих политических систем.

1.2. Диалектика и синтезирующий характер мышления

Китайцы искренне не понимают представителей иных цивилизаций, прежде всего западной и российской, которые видят мир разъятым на отдельные элементы и ставят себя в состояние выбора некоторых из них.

Они с непередаваемой иронией говорят про это: «Вы всегда выбираете из двух зол». Ведь ситуация выбора чего-то одного из двух различных вариантов противоестественна для китайца, который инстинктивно стремится овладеть обоими и выжать из них все лучшее и полезное.

В ситуации, когда мы выбираем между черным и белым, китаец начинает искать для себя позицию, позволяющую получить и то, и другое, – и весьма часто вместо грязно-серых разводов, уже нарисовавшихся в воображении некоторых читателей, обретает радугу.

Для европейцев и их наследников мир двоичен, как электричество: есть плюс, есть минус, – и между ними, как электрический ток, течет жизнь, представляющая собой борьбу опять-таки противостоящих друг другу добра и зла.

Между тем мир един, – и странно, что мы готовы признать это только во время безответственных и беспредметных философствований, да еще во время институтских занятий диалектикой.

Ведь даже христианство бегло упоминает, что Сатана отнюдь не равнозначен Богу, но является всего лишь его падшим ангелом. *Это, кстати, формальная (наряду, разумеется, с содержательными, моральными) причина того, что манихейство, то есть признание равноправия и равнозначности добра и зла, считается тяжким грехом.*

Однако малейшее размышление на эту тему приводит к крайне неприятным и даже опасным для бытовой и официальной веры заключениям: например, что в таком случае Сатана должен быть подчинен Богу и, соответственно, зло существует в мире не само по себе, а по воле и желанию Бога. Поэтому официальное богословие, уподобляясь подводной лодке, предпочитает стремительно скрыться от остроты насущных вопросов и эмоций в глубину мутных вод заумных рассуждений, периодически выплевывая на поверхность (с сопутствующими обвинениями в ереси) не в меру пытливых, чувствительных или просто честно запутавшихся в этих смертельных глубинах адептов.

Для китайца этот взгляд представляется по-детски примитивным, хотя он и признает его практическую продуктивность и с удовольствием пользуется его плодами, в том числе в виде достижений западной науки.

В отличие от европейского мышления китайское не двоично, а троично: борющиеся противоположности китайское мышление склонно воспринимать с позиции их синтеза на следующем, более высоком витке развития, после соответствующего перехода количества в качество.

Мир есть единство и борьба противоположностей, но, если западное мышление ориентируется в первую очередь на борьбу, китайское воспринимает прежде всего единство. Правда,

это представляется общей особенностью восточноазиатских культур, стремящихся в качестве высшей ценности не к индивидуальному успеху, а к достижению гармонии.¹⁰

С точки зрения физики все сущее представляет собой единство частиц и волн: осязаемой материи и, как правило, неосязаемой энергии, а в перспективе развития науки мы от понимания единства вещества и энергии придем к пониманию единства физической и психической энергии.

Цивилизационные различия Запада и Востока проявились, в частности, в различном характере доминирующих действий, в применении усилий к различным элементам этого находящегося в единстве противоречий: материалистичный Запад занялся изучением вещей, а философствующий (и при этом далеко не всегда «духовный» в нашем понимании этого слова) Китай посвятил себя энергии.

Из этого, в частности, вытекает принципиальное различие западной и восточной медицины. Если рассматривать тему более широко, именно культурно обусловленное стремление к работе с энергией вызвало технологическое отставание Востока от Запада, так как развитие технологий основано в первую очередь именно на работе с предметами, к чему есть склонность у носителей западных, а отнюдь не восточных культур.

Возможно, именно этим объясняется один из парадоксов тысячелетней китайской истории, на протяжении которой высочайшие технологические достижения (компас, порох, ракеты) использовались преимущественно для развлечений.

Тем не менее, целостное восприятие мира, диалектическое восприятие противоположностей в их неразрывном и неразделимом единстве, синтезирующий характер мышления являются важнейшими особенностями китайской культуры и китайского сознания, определяющими в том числе и сугубо бытовую философию повседневной жизни.

1.3. Образность мышления как фактор конкурентоспособности

Китайская письменность, как и письменность других народов Юго-Восточной Азии, основана не на буквах, а на иероглифах. Каждый иероглиф имеет свое значение и звучит как один слог. Поскольку число слогов в языке ограничено и значительно меньше числа используемых понятий, возникает проблема соответствия. В устной речи она решается использованием различных тонов: одни и те же звуки в зависимости от тона, которым они произнесены, означают совершенно разные вещи.

На письме проблема решается увеличением числа иероглифов до крайних пределов: даже чтобы просто читать газету, нужно знать около полутора тысяч иероглифов! В результате степень традиционной образованности в Китае и по сей день определяется, прежде всего, числом иероглифов, которые помнит человек. Тем не менее, для того, чтобы читать (и тем более писать) специализированный текст, посвященный сложным и разнообразным проблемам, еще не так давно часто требовалось несколько человек: один специалист просто не мог знать соответствующее число достаточно сложных иероглифов.

Таким образом, познание было в значительной степени коллективным, а не индивидуальным делом, что существенно усиливало и закрепляло и без того объективно свойственный восточным культурам коллективизм.¹¹ При этом сложность иероглифического письма стала

¹⁰ Строго говоря, эта ориентированность, нашедшая свое высшее воплощение в буддизме и нацеленная, прежде всего, на подавление агрессии во всех ее формах, представляет собой естественный механизм саморегуляции общества, позволяющий человеческой цивилизации сохраняться, а отдельным семьям и людям выживать в условиях ужасающей перенаселенности и массовой нищеты.

¹¹ Причина его вполне прозрачна и носит сугубо хозяйственный характер: в силу природно-климатических условий для получения значительных устойчивых урожаев и, соответственно, общего выживания в Юго-Восточной Азии (как и в некоторых других регионах, – например, в Египте и Средней Азии) необходимы ирригационные сооружения. Их строительство и эксплуатация требуют – в прямом смысле слова, под страхом смерти – коллективного труда значительных масс людей. Таким

колоссальной преградой развития технологий, так как люди просто не могли запомнить и затем воспроизвести полученную ими информацию. Это стало одной из наиболее глубоких, культурно-психологических причин технической отсталости Китая, нараставшей как минимум с середины XVIII века и обусловившей трагизм его истории в последующие двести лет, – на протяжении жизни восьми поколений!

Однако сложность и многочисленность иероглифов, даже доведенные почти до абсурда, все равно не могли решить проблему недостаточности слогового письма для обозначения большого количества имеющихся сущностей. Результатом ее нерешенности стала многозначность целого ряда иероглифов, разные значения которых часто весьма слабо связаны друг с другом.

Жизнь в условиях лексической многозначности, то есть, по сути дела, в условиях неопределенности смыслов представляет собой постоянную жесточайшую тренировку сметливости и находчивости, которую вынужденно проходит китайское сознание на протяжении всей жизни. Чтобы понять смысл сказанного, часто недостаточно просто знать значения слогов и даже тонов: надо постоянно и очень быстро сопоставлять различные варианты возможного и выявлять среди них наиболее реальный.

Естественно, подобная повседневная, воспринимаемая как единственно возможная и само собой разумеющаяся норма, тренировка накладывает весьма существенный отпечаток как на национальную культуру, так и на национальный характер.

Весьма существенный отпечаток на них накладывает и иероглифическое письмо как таковое. Ведь иероглиф, в отличие от привычной нам буквы, представляет собой не абстрактный символ почти «в чистом виде»,¹² а картинку, имеющую самостоятельное значение или, по крайней мере, поддающуюся толкованию в таком качестве.

В результате при чтении иероглифов у достаточно культурного и образованного человека могут возникать (хотя могут, разумеется, и не возникать) три ассоциативные ряда одновременно: связанный с их прямым значением, со звучанием обозначаемых ими слогов и, наконец, – с видом иероглифа как картинки.

Купание в этих ассоциативных рядах способно смертельно утомить неподготовленного человека и вызвать у него глубочайшее отвращение ко всему китайскому как к чудовищно и бессмысленно усложненному. Вместе с тем такая многозначность тренирует интеллект – или, по крайней мере, его некоторые специфические особенности, а также (а насколько можно судить по практическим наблюдениям, в особенности) эстетическое чувство.

Повседневное использование в качестве исходной единицы письменности изображений, имеющих собственное значение, способствует развитию образности мышления, что в сочетании с синтетическим, – троичным, а не дуалистическим, – характером мышления дает китайскому сознанию колоссальные резервы, практически не используемые в настоящее время (как и в прошлом), но способные в будущем, – в том числе, вероятно, и не столь уж отдаленном, – развернуть перед ним колоссальные перспективы.

Дело в том, что одно из магистральных направлений развития компьютерных и в целом информационных технологий является повышение «дружественности интерфейса» и его биологизация, постепенно снимающая для человека смысловые и технические барьеры при обращении к компьютеру. Практически не вызывает сомнений, что через некоторое время мы

образом, коллективизм соответствующих культур носит всецело вынужденный характер, вытекает из их повседневного образа жизни и, что представляется весьма существенным, не находится, в отличие от русской культуры, в постоянном противоречии с индивидуализмом, которого в этих культурах в нашем понимании этого слова попросту нет.

¹² Интересно, что в русской азбуке до революции еще сохранялись буквы, несущие самостоятельное смысловое значение; например, буква «фита» считалась неприличной, – насколько можно понять, из-за того, что могла напоминать очень пристрастному воображению мужской половой орган в анфас.

будем обращаться за советом к компьютеру с такой же простотой и легкостью, что и друг к другу,¹³ – и получать надежный, развернутый и проверенный ответ.

Это весьма существенно изменит характер конкуренции как между отдельными индивидами, так и между организациями.

Сегодня она ведется в основном на основе формальной логики, – а компьютер, будучи ее вещественным воплощением, по мере биологизации интерфейса сделает нас равными по доступу к ней (примерно так же, как Интернет уже уравнил нас по доступу к непроверенной и неструктурированной информации¹⁴). Конкуренция же на основе того, к чему ее участники по определению имеют равный доступ, невозможна в принципе, – поэтому конкуренция на основе формальной логики исчезнет так же, как в развитых странах исчезла конкуренция на основе доступа к калорийной еде¹⁵ (хотя в неразвитых странах подобная конкуренция сохраняется и по сей день, – а по мере дегуманизации человечества даже начинает усугубляться).

В результате развития описанных процессов конкуренция на основе формальной логики уже отступает в тень, уступая место конкуренции на основе внелогических форм мышления: творческого и мистического. Это ведет к огромному и далеко еще не полностью понятному комплексу разнообразных последствий, однако бесспорным является рост значимости образного мышления по сравнению с формально-логическим.

Поскольку использование иероглифов поневоле создает предпосылки (а то и прямо способствует) развитию именно образного мышления, цивилизации, использующие иероглифическое письмо, получают уже в обозримом будущем дополнительное конкурентное преимущество перед теми, кто использует обычные буквы.

В этом отношении весьма интересным представляется принципиально различный ответ на вызов индустриализации, данный родственными китайской и японской цивилизациями (именно это родство во многом и обусловило жестокость конкурентной борьбы между ними: на человеческие культуры в полной мере распространяется правило, по которому внутривидовая конкуренция носит значительно более жестокий и ожесточенный характер, чем межвидовая).

Развитие индустриальных технологий и в особенности начало научно-технической революции потребовало кардинального упрощения иероглифического письма. Китай ответил на этот вызов кардинальным упрощением иероглифов, осуществленным при Мао Цзэдуне; Япония – введением в дополнение к иероглифическому письму обычной буквенной азбуки на основе латиницы. *Вопреки широко распространенному мнению, это результат не американской оккупации, а развития индустрии, так как реформа эта была проведена в 1937 году; правда, тогда латиница не получила широкого распространения, и в 1946 году была проведена вторая реформа языка, предусматривавшая существенное упрощение используемых знаков, – как иероглифов, так и букв, – а также введение «иероглифического минимума» в 1850 знаков: реформой предписывалось стремиться к ограничению ими всей письменной речи для ее большей понятности.*¹⁶

¹³ Надо отдать должное темпам технологического прогресса: во время написания этой книги подобный сервис уже более двух лет предлагался поисковиком Google, – правда, качество предлагаемых ответов, как правило, не позволяло использовать его для чего бы то ни было, кроме развлечения.

¹⁴ Считающим это выдающимся достижением стоит напомнить, что теория информации определяет ложную информацию всего лишь как «неправильно структурированную».

¹⁵ Так, стража Тауэра в средневековой Англии получила название «бифитеров» – «едоков мяса»: горожане были потрясены тем, что эти люди имели возможность есть мясо каждый день – практически без ограничений (это стало возможным, так как они получали мясо с королевского стола). В России символом богатства крестьянской семьи еще и в середине XX века была возможность «кушать убоину» (как ласково звалось мясо) каждый день.

¹⁶ В силу глубочайших различий в устной и письменной речи даже объявление императора Хирохито о капитуляции Японии, переданное по радио 15 августа 1945 года, было просто не понято многими слушателями (так как он читал заранее написанный текст), а заметная их часть и вовсе решила, что император возвещает о победе Японии в войне! Даже в настоящее время около 10 % японцев испытывает серьезные проблемы с чтением документов на своем языке, – при том, что читать намного проще, чем писать, а сама Япония является одной из наиболее образованных и технологически развитых стран всего

Тем самым японцы, стремясь к большей технологичности и простоте, неосознанно принесли в жертву не просто собственные культурные особенности, но и возможность использовать в будущем (правда, отдаленном до полной неопределенности) таящиеся в них конкурентные преимущества. В этом еще раз проявилось принципиальное отличие китайской и японской культур: вторая, сформировавшаяся под колоссальным влиянием первой (вплоть до использования китайских иероглифов даже и по сей день), обладает свойствами блистательного, изощренного копииста. Это обуславливает не только тщательность и живучесть разнообразных ритуалов, но и успехи в области общественного управления и технологического прогресса. Ведь рациональное заимствование и приспособление к национальной культуре социальных инструментов и механизмов в сочетании с заимствованием рыночных целей подразумевает достижение высоких технологических успехов как способа достижения заимствованных целей в рамках заимствованной же парадигмы.

Возвращаясь к нетривиальным возможностям, неожиданно открываемым перед Китаем современным этапом технологического прогресса, стоит особо отметить неожиданные последствия его непродуманной демографической политики.

Жесткое (по крайней мере, в городах) проведение в жизнь принципа «одна семья – один ребенок» в условиях традиционного стремления китайцев к наследнику привело к хорошо известному и многократно описанному количественному преобладанию рождающихся живыми мальчиков над девочками, которое сегодня хорошо заметно уже и среди молодежи.

Влияние этого на современное китайское общество (в том числе на рост его агрессивности, что представляется наиболее важным) будет рассмотрено ниже. Здесь мы ограничимся констатацией того самоочевидного факта, что более редкий фактор автоматически становится более ценным, а в человеческом обществе – и более влиятельным.

В результате обостряющаяся нехватка женщин исподволь меняет их место и значение в современном китайском обществе.

«Исподволь» отнюдь не только в силу естественной инерционности социально-психологических процессов (да еще и основанных на демографических изменениях). Важную роль в медленности и скрытом характере происходящих изменений играет и традиционное китайское отношение к женщинам, которое было, без всякого преувеличения, ужасающим, – по крайней мере, для не мусульманской страны.

Чудовищные бедствия, которые переживал китайский народ на протяжении всей своей истории, в первую очередь ложился на плечи женщин. Помимо того, что их в прямом смысле слова не считали за людей, понятное стремление крестьян иметь в первую очередь наследников и работников оборачивалось не только массовой продажей девочек (как «лишних ртов»), но и их прямым убийством в частые времена голода – для экономии пищи.

Однако ужасное положение женщин отнюдь не было следствием одной только беспроектной нужды. Достаточно указать на стандарты красоты, которые предписывали с детства калечить ступни женщин относительно обеспеченной части общества так, что в зрелом возрасте они не могли порой самостоятельно ходить.

В условиях дешевизны красивых девушек из крестьянских семей знатные и просто обеспеченные китайцы имели порой такое количество наложниц, что некоторые из последних вообще ни разу в жизни не видели своего владельца и повелителя. Само собой разумеется, что за «измену» им полагалась по-китайски изощренная и мучительная казнь, а прав у них не было практически никаких.

Шахерезада, несмотря на понятное и широко рекламируемое даже и в наше время отношение к женщинам в мусульманском мире, была просто невозможна в средневековом Китае. Превращение наложницы во всемогущую императрицу Цы Си является не столько исключе-

нием, которое лишь подчеркивает правило, сколько одним из проявлений глубины разложения традиционной китайской государственности и, шире, всего китайского общества в конце XIX века.

Это многотысячелетнее наследие, конечно, в принципе не может быть изжито в течение жизни нескольких поколений, – пусть даже и насыщенной разнообразными, в том числе трагическими событиями. Тем не менее, растущий «дефицит женщин» (да простит меня читатель за этот корявый и невежливый канцеляризм, но он наиболее точно отражает ситуацию) объективно способствует росту значения женщины в обществе и усилению ее влияния.

Даже в России мы видим ряд китайских коммерческих структур, эффективно управляемых, а часто и созданных именно женщинами. Успешно занимающиеся бизнесом женщины сплошь и рядом становятся фактически главами семей; их голос часто оказывается решающим во внутрисемейных спорах. В континентальном Китае этот процесс также весьма нагляден по сравнению с серединой 90-х годов, когда традиции еще были живы в своей полноте.

Увеличение общественной роли и влияния женщин в современных условиях представляется весьма серьезным фактором конкурентоспособности общества.

Дело в том, что воспетое в бесчисленных анекдотах различие мужского и женского типа сознания существует, несмотря на описания их преимущественно в произведениях «низкого жанра», на самом деле. Афористичное выражение этого различия заключается в том, что мужчина узнает, а женщина знает; научное – в склонности мужского типа сознания к формальной логике, а женского – к интуитивизму.

Развитие компьютерных технологий, которое, как было показано выше, через некоторое ограниченное время уравнивает людей в доступе к формальной логике, равно как и обратная сторона этих же технологий, – снижение познаваемости современного мира,¹⁷ – повышают значение и, соответственно, востребованность в конкурентной борьбе именно женского, интуитивного типа мышления.

Насколько можно судить сейчас, оно в наибольшей степени соответствует надвигающимся временам, в которых конкуренция будет вестись, с одной стороны, в условиях необычно высокой для нас неопределенности и, одновременно, – равного или почти равного доступа участников конкуренции к формальной логике.

Женский тип мышления, таким образом, имеет вполне реальное и увеличивающееся со временем конкурентное преимущество над традиционным мужским.

Конечно, до нового матриархата еще очень и очень далеко, но массовый выход женщин на политическую арену после начала глобализации (связанного с массовым применением соответствующих технологий), с 90-х годов, – результат не столько торжества оголтелого феминизма и извращенной толерантности,¹⁸ сколько вечного стремления человеческого общества к эффективности и конкурентоспособности.

¹⁷ Подробней о снижении познаваемости мира см., например, М. Г. Делягин «Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис». М.: Вече, 2008.

¹⁸ Частое объяснение массового прихода женщин в политику и управление завершением жестоких времен «холодной войны» и ростом стремления к гуманизму, якобы органически присущего женщинам, представляются чрезмерно романтичным и несостоятельным. С одной стороны, женщины-управленцы довольно часто демонстрируют жестокость, запредельную по меркам своих коллег-мужчин даже в самые негуманные времена. Помимо чекисток гражданской войны, можно вспомнить, например, Индиру Ганди, в свое время потерявшую власть в том числе из-за введения практики принудительной стерилизации. С другой стороны, стремление к гуманизму современного мира представляется самоослеплением. «О дивный новый мир» после завершения «холодной войны» начался чудовищной гражданской войной в Таджикистане, где людей убивали просто по прописке (только в 1992–1993 годах, по минимальным оценкам, погибло более 60 тыс. чел., из страны бежало более четверти миллиона человек, около 1 млн. чел. стали внутренними переселенцами – и это для страны с населением, по переписи 1989 года, 5,1 млн. чел.), и геноцидом в Руанде, где в 1994 году погибло более миллиона человек (более 10 % населения). Продолжение вооруженных конфликтов, в том числе осуществляющихся с полным игнорированием международного права (как, например, войны НАТО против Югославии в 1999 году, режима «Талибана» в Афганистане в 2001 году, Ирака в 2003 году, Ливии в 2010 году, а также поддержка исламистов и просто бандитов в гражданской войне в Сирии) и сопровождавшихся чудовищными зверствами и бедствиями гражданского населения, также не позволяют всерьез относиться к тезису о востре-

Просто времена сменились, и на новом технологическом базисе инструменты достижения эффективности – в том числе и в гендерном аспекте управления – стали несколько иными.

И Китай, – как ни парадоксально, на этот раз в силу грубых политических ошибок своего недавнего прошлого, – оказался «на гребне волны» и этого глобального процесса.

1.4. Этническая солидарность

Несмотря на глубочайшую пропасть не только между городом и деревней, но и между различными регионами, доходящую до полного непонимания диалектов друг друга, для китайцев характерна высочайшая степень этнической солидарности. Это стихийные, природные националисты, очень четко различающие свое отношение к другим ханьцам (даже если они могут объясниться с ними только в письменном виде) и представителям всех остальных народов.

Бытовые истории о глубине различий китайских диалектов (из-за которых, например, зачастую плохо понимали даже Мао Цзэдуна, говорившего на хунаньском) отнюдь не являются преувеличением.

Одному из авторов пришлось столкнуться с этим в небольшом ресторанчике в Сычуани, где названия блюд не только не сопровождались иллюстрациями, но и были (что вполне традиционно для туристических мест Китая) избыточно поэтичными, так что меню не позволяло понять о них практически ничего. Молоденькая официантка не говорила на мандарине (официальный китайский язык на основе пекинского диалекта) и не понимала его, а пекинские гости точно так же не понимали сычуанский диалект. В результате диалог через некоторое время приобрел полностью письменный характер.

В Тибете же и вовсе возникла анекдотическая ситуация, когда тибетец-экскурсовод, искренне веривший, что свободно говорит на мандарине, в конце концов был вынужден вести экскурсию на английском (точнее, на «пиджин-инглиш»¹⁹), русский член группы выступал в роли переводчика для китайских коллег, говоривших по-русски, а те уже переводили услышанное на китайский для остальных экскурсантов.

Этническая солидарность проявляется в мириадах повседневных деталей и, конечно же, находит свое отражение в языке. Так, у нас нет собственно русского слова для обозначения эмигрантов, покинувших нашу страну,²⁰ но в целом это слово до сих пор имеет отчетливо негативный характер, оставаясь по смыслу довольно близким к «невозвращенцу» еще сталинских времен. Китайское же «хуацяо» дословно означает «мост на Родину» и подчеркивает не отделенность живущего за границей китайца от его страны, но, напротив, его нерушимую связь с ней, даже если он никогда не видел ее и, скорее всего, никогда ее не увидит.

Терпимое отношение к эмигрантам весьма характерно проявилось, когда вскоре после смерти Мао Цзэдуна началось масштабное направление китайских студентов на учебу за границу. Около половины (а периодически – до 70 %) студентов по завершении учебы не возвращалось обратно, но в отношении них, как правило, не возбуждались репрессивные процедуры,

бованности женщин-руководителей именно в результате некоей гуманизации процессов общественного развития: никакой «гуманизации» просто нет! Время между завершением Корейской и афганской войн, несмотря на угрозу ядерного уничтожения и множество локальных конфликтов будет, по-видимому, рассматриваться историками будущего (если они, конечно, у нас действительно будут) как подлинный Золотой век человечества, – как время гуманизма, прогресса и разума.

¹⁹ Дословно – «пингвиний английский». Предельно упрощенный вариант английского языка, разработанный специально для использования в колониях, на основе китайской грамматики. В последнее время используется и как имя нарицательное, для обозначения варварски примитивизированного языка (в стиле «мая-твая панимай»).

²⁰ Укоренившееся было для этой цели слово «соотечественник» ныне практически полностью закреплено за гастарбайтерами из Средней Азии, именуемыми в соответствии со штампами официальной пропаганды «трудолюбивые соотечественники». В результате в настоящее время оно приобрело негативный оттенок, как до того слово «эмигрант», – хотя и по совершенно иным причинам.

а их оставшиеся в Китае семьи не подвергались наказанию, даже если учеба осуществлялась за государственный счет.

Такой подход не только отражал жизненный опыт и традиции народа, длительное время жившего в условиях жестокого перенаселения и, соответственно, вынужденной массовой эмиграции. Представляется, что он был по-китайски прагматичным, нацеленным на создание высокообразованного и потому влиятельного китайского лобби за границей.

Однако не менее важным видится и выражение в этом необычном для нас явлении этнической солидарности: китайцы-руководители просто не хотели карать представителей своего народа без крайней необходимости. *Вероятно, сыграла свою роль и усталость от жестокостей времен Мао Цзэдуна, включая не только «культурную революцию», но и чудовищный, изнурительный длительный голод, в который была искусственно погружена значительная часть страны.*²¹

* * *

По мере успешного развития китайской экономики, повышения благосостояния и благополучия населения вполне естественно росло и самосознание китайского общества. Соответственно, менялось и восприятие китайским государством его роли и значения для китайского народа.

Революционной была, безусловно, формула «одна страна – две системы», введенная Дэн Сяопином в начале 80-х годов, еще в самом начале преобразования Китая и знаменовавшая собой переход от узкоклассового к широкому культурному, цивилизационному подходу.

Конечно, она целиком и полностью была сугубо утилитарной, нацеленной на обеспечение конкретных нужд хозяйственного развития. *Ведь на первом этапе реформы развитие Китая осуществлялось за счет капиталов хуацяо, и Тайвань, Гонконг, Аомынь (Макао) и другие анклавы играли роль воронок, через которые иссохшая почва китайской экономики орошалась бурными потоками зарубежного китайского капитала, политкорректно именуемого «иностранными инвестициями».*

Но все великие преобразования, отвечавшие историческим потребностям, именно в силу этого были во многом вынужденными. Чтобы общество поддержало перемены (а иначе случается, как с Улугбеком, Павлом I, Людвигом Баварским и бесчисленным множеством других опередивших свое время реформаторов и фантазеров, пусть даже и стремившихся к лучшему), оно должно ощущать их своевременность, их полезность: преобразования только тогда будут и возможны, и полезны, когда они вызрели в ходе естественного общественного развития, когда они соответствуют назревшим потребностям.

А потребности эти обычно бывают самого «низменного», материалистического свойства и связаны с текущими повседневными нуждами: иначе общество просто не примет неизбежно пугающего его риска нового и отвергнет даже самые разумные и привлекательные реформы.

Провозглашая лозунг «одна страна – две системы», китайское руководство вряд ли глубоко размышляло о том, что отказывается тем самым от парадигмы классово-борьбы в пользу логики цивилизационного развития и участия в глобальной конкуренции на основе культурной общности.²² Оно решало узко практическую задачу: переход к модернизации Китая на качественно новой для него, рыночной основе при сохранении «руководящей и направляющей» роли коммунистической партии.

²¹ Подробней см. Юн Чжан, Дж. Холлидей. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007.

²² Хотя многие китайские руководители, мыслявшие системно, не могли не сознавать революционного характера своего решения и принципиального значения его последствий для развития – не только Китая, но и всего мира.

Однако условия решения задачи оказались таковы, что пришлось от развития «в интересах рабочих и крестьян» (а на деле – в интересах партхозноменклатуры) перейти к развитию в интересах всего народа вне зависимости не только от классовой принадлежности тех или иных его элементов (что и саму коммунистическую партию привело в конечном итоге к перерождению²³ в партию всего народа), но и от границ, разделяющих этот народ в каждый отдельно взятый момент.

Так китайское государство, – из сугубо прагматических соображений, что очень по-китайски, – сделало неизбежным расставание со своим сектантским, классовым, идеологизированным обликом в пользу превращения в традиционное государство, преследующее интересы создавшего его народа.

Формальным образом этот процесс был зафиксирован в 2000 году, когда на стандартной визе, ставящейся в паспорта посещающих Китай граждан иных государств, вместо традиционной фразы «виза Китайской Народной Республики» стали писать просто: «китайская виза».

Это выразило завершение трансформации самосознания самого китайского государства, всей китайской бюрократии: с 2000 года она уже окончательно служит не «континентальному» и тем более не «красному» Китаю, а государству всех китайцев, где бы они ни находились, выражающему и защищающему их интересы на не столько политико-административной, сколько на этнической основе.

Революция сознания заняла, таким образом, почти два десятилетия, – и была не просто открытой: она была оформлена и закреплена так, чтобы быть понятной и очевидной для всего мира.

Для того, чтобы понять степень адекватности традиционного европейского сознания и уровень нашего понимания Китая следует добавить, что мир, в то время уже буквально не спускавший с Китая глаз и считавший его возвышение главным событием XXI века, этого формального завершения исключительно важной, ментальной революции вообще не заметил.

Никак.

Словно его не было.

Дерсу Узала говорил «глаза есть – посмотри нету», – но он говорил это про дикую природу, часто недоступную пониманию и восприятию горожанина.

Увы: приходится сознавать, что для этого горожанина весьма часто точно так же недоступно восприятию (включая восприятие профессиональных аналитиков) содержание пометок в его собственном паспорте.

А ведь революция эта, – в силу того, что китайские диаспоры есть почти во всех странах мира и, как правило, неуклонно расширяются и крепнут, – непосредственно касается в прямом смысле слова всех народов и всех государств современности.

Ведь один из лозунгов для внутреннего употребления – из тех, что редко и далеко не всегда охотно переводят иностранцам, даже если те настойчиво просят сопровождающих, – «китайцы ни в одной стране мира никогда не будут этническим меньшинством!»

Его популярность и распространенность в китайском обществе стала такой, что в начале 2010-х годов он зазвучал, наконец, и с высших партийных и государственных трибун.

Китай – это государство всех китайцев.

Его громада, влияние и энергия стоит за каждым из них, где бы и в каком бы плачевном виде он сегодня ни находился.

И забывать это – значит обрекать себя на весьма существенные, неожиданные, излишние, но в данном случае целиком и полностью заслуженные неприятности.

²³ В хорошем, а не привычно-пропагандистском смысле этого слова, разумеется.

* * *

С конце 90-х в силу роста коммерциализации в Китае (сначала в туристических районах, а с середины 2000-х и в остальных²⁴) появилось невиданное до того²⁵ явление – обман иностранных туристов. Проявлялось это обычно, конечно, не в привычных для наших рынков (особенно с гостями из Закавказья) прямом обчете и обвесе покупателя, но в завышении цены (даже после ожесточенного и по-китайски изматывающего торга) и, особенно, пересортице, позволяющей торговцу «в случае чего» объяснить подсовывание более дешевого товара простым недопониманием или, на худой конец, непредумышленной ошибкой. (Надо отметить, что при всей изощренности своих навыков китайские торговцы крайне неохотно идут на прямой обман, предпочитая добиваться согласия покупателя на заведомо невыгодные для него условия; вероятно, это связано не только с культурными и профессиональными традициями, но и со страхом перед правоохранительными органами и боязнью лишиться «чистой» работы продавца.)

В середине 2000-х годов на рынке одного из южных городов континентальной части Китая, являющегося центром внутрикитайского туризма, но почти не известного иностранцам, сопровождающий одного из авторов данной книги заинтересовался выставленными образцами китайской каллиграфии.

Это удивительно утонченное искусство, захватывающее души десятков миллионов китайцев, но, к сожалению, трудно доступное для сторонних наблюдателей, не принадлежащих к китайской культуре. Сопровождающий оказался тонким ценителем этого искусства и всерьез заинтересовался одной из работ.

Когда продавец назвал ее цену – эквивалент двух тысяч долларов (в окрестностях этого города, благо район, за пределами туристических мест, был беден, за такие деньги, наверное, можно было купить, по крайней мере, небольшой дом) – потенциальный покупатель, у которого таких денег, разумеется, не было даже теоретически, с улыбкой ответил, что, если работа подлинная (то есть принадлежит перу мастера-каллиграфа, а не является простой копией), то она, конечно, стоит таких денег.

На что продавец, оценив квалификацию покупателя, очень серьезно спросил: «А это кому – ему или тебе?»

Смысл вопроса заключался в том, что иностранца можно обмануть и беспощадно «кинуть» на деньги, да еще и предложив сопровождающему помочь в обмане за долю в полученной прибыли (надо отметить, что такие предложения поступали нашим сопровождающим почти постоянно, но они воздерживались от их принятия, ограничиваясь приглашением в первую очередь к «своим» торговцам, – которые, правда, обычно отличались хорошим качеством товаров и умеренными ценами²⁶).

Обмануть же «своего», всучив ему копию работы по цене подлинника, представляется серьезным проступком, идти на который (да еще по отношению к искренне интересующемуся предметом человеку) просто нельзя.

²⁴ Разумеется, это субъективные ощущения и личные наблюдения авторов, которые могут не соответствовать действительности; с другой стороны, с 1995 года авторы, если суммировать их поездки, бывали в Китае (в том числе в его провинциях, вне Пекина и Шанхая) не менее раза в год, а с 2007 года – не менее трех раз ежегодно.

²⁵ Эта честность, о которой с ностальгией вспоминают путешествовавшие по Китаю в 90-е годы (и особенно в их первой половине) была вызвана в первую очередь как редкостью иностранных туристов, которые вызывали, прежде всего, изумление и любопытство, а не жажду наживы, так и особым контролем правоохранительных органов за ними и за всем, что было связано с их действиями. Существенно и то, что основная часть иностранных туристов были тогда (а в основном и остаются сейчас) баснословно богатыми по китайским меркам, что позволяло прекрасно заработать на них по-честному, без каких бы то ни было попыток прямого обмана.

²⁶ Описанная добросовестность представляется одним из преимуществ по-настоящему долгосрочного партнерства.

Поэтому, если бы сопровождающий всерьез выразил желание купить заинтересовавшую его работу, она была бы продана ему по цене копии.

Интересно, что сопровождавший рассказал эту историю с плохо скрываемой гордостью за национальное чувство не просто самых обычных китайцев, но еще и занимающихся мелкой розницей торговцев. При этом сам сопровождающий не только не испытывал патристических чувств по отношению к китайскому государству, но был настроен почти диссидентски. Он по собственному почину рассказывал об «имеющихся недостатках» и проблемах даже там, где коллега из России и не подозревал об их существовании, так что порой приходилось просто одергивать его, заставляя переключаться на стандартное описание туристических достопримечательностей. В Пекине же этот сопровождающийся наотрез отказался вместе с российскими гостями посещать мавзолей Мао Цзэдуна, в резкой форме выразив свое недоумение по поводу желания гостей сделать это, а когда последние все-таки настояли на своем, проводил россиян на входе и встретил на выходе, не желая заходить внутрь.

И даже этот человек, весьма критически относящийся к современному ему китайскому государству и обществу, испытывал при виде этнической солидарности китайцев радость, которой не мог не поделиться с иностранными туристами, только что едва не ставшими жертвой этой солидарности!

Одной из фундаментальных основ этнической солидарности китайцев, мало понятной для представителей иных культур, и в особенности Запада, является полное отсутствие презрительного отношения к обычным, рядовым труженикам со стороны представителей образованных слоев, – по крайней мере, их старшего и среднего поколения.

Попадаясь на удочку мошенников, выражая негодование назойливостью торговцев, возмущаясь необязательностью или ленью обслуживающего персонала мы почти всегда наряду с полным сочувствием со стороны китайских коллег сталкивались с их попытками (часто весьма неуклюжими) защитить и оправдать в наших глазах часто совершенно неведомых им лентяев или жуликов.

Нам рассказывали о тяжелой жизни простых людей, о необразованности, влекущей за собой неорганизованность и разгильдяйство, о материальных и климатических трудностях и даже (правда, один только раз) о том, что развитие туризма в данном регионе призвано не столько удовлетворять вкусы туристов, сколько создать рабочие места для местных жителей с тем, чтобы выращивание наркотиков перестало быть для них единственным способом заработка, и за него стало возможным, наконец, карать по всей строгости китайских законов (то есть, расстреливать).

Ни единого раза мы не услышали из уст китайских интеллигентов прямого осуждения своих соотечественников, стоящих ниже их по социальной лестнице, даже в тех случаях, когда они заслуживали не то что порицания, но и серьезного уголовного наказания.

Причина этого, насколько можно судить, в масштабной кампании перевоспитания интеллигенции, проведенной Мао Цзэдуном в ходе «культурной революции».

В ее ходе китайскую интеллигенцию не обвиняли в каких бы то ни было преступлениях и не репрессировали каким-то специальным образом, а просто переселяли в сельскую местность и принуждали жить с крестьянами (положение которых было в то время ужасающим) одной жизнью.

Побывав в прямом смысле слова в шкуре простого крестьянина, целое поколение китайских интеллигентов прониклось глубочайшим, пожизненным уважением к тому «простому народу», на терпении и трудолюбии которого стоял тогда и стоит сейчас китайский колосс. Значительная часть китайской интеллигенции передало это чувство своим детям.

В результате китайский интеллектуальный класс представляется едва ли не единственным интеллектуальным классом мира, не считающим необразованных, «простых» людей своей

страны, – даже тех, кто ведет без всякого преувеличения растительное существование, – «быдлом»²⁷ и полностью свободным от презрения к ним.

Здесь нет никакого сюсюканья, никакого заискивания, никакого преувеличения реальных способностей и возможностей китайских крестьян и ремесленников, никакого мистического бреда в стиле «народа-богоносца». Уважающие обычных китайцев образованные люди вполне способны организовывать их жесточайшую эксплуатацию, принимать решения, наносящие им серьезнейший ущерб, или просто со спокойным цинизмом игнорировать их интересы.

Но при всем этом образованная часть китайского общества испытывает глубокое уважение и даже, более того, почтение к китайскому народу – даже при всех его хорошо видимых и отлично сознаваемых недостатках.

Реальное, не на словах, а на деле единство интеллигенции с народом, этот посмертный и, скорее всего, совершенно непредумышленный подарок Мао стал исключительно серьезным фактором если и не монолитности, то, во всяком случае, единства – и, соответственно, конкурентоспособности китайского общества.

Разумеется, историческое удаление от шокового опыта маоистского «перевоспитания», а также широкое распространение западных стандартов образования ведет к ослаблению этого чувства. Значительная часть нынешних 30-летних китайских менеджеров, специалистов и аналитиков по своему восприятию обычных тружеников близки к западным сверстникам.

Это естественно: никакой результат разового воздействия, пусть даже и очень глубокого, не бывает вечным.

Но пока еще он сохраняется, и в ближайшее десятилетие основная часть китайской интеллигенции и в целом образованной части китайского общества все еще будет сохранять, хоть и остаточное, но безусловное уважение к обычному необразованному труженику (и даже спекулянту). Это уважение качественно усиливает не видимую со стороны и являющуюся поэтому «скрытым резервом», но исключительно важную для понимания его возможностей и перспектив этническую солидарность китайского общества.

²⁷ То есть, скотом (польск.).

Глава 2

Влияние истории на национальный характер

Национальный характер каждого народа несет на себе отпечаток пройденного им исторического пути: в этом он подобен отдельной личности, представляющей собой сплав генетически заложенных в ней черт и собственных усилий, запечатленных в ее биографии.

В этом отношении китайцы не отделимы от всего остального человечества – с той лишь существенной поправкой, что в силу большей длительности их исторического пути и влияние его на национальный характер (или, с другой стороны, раскрытие национального характера в истории народа) представляется значительно более существенным.

Эта тема представляет собой колоссальный социопсихологический и культурологический интерес; огромный массив соответствующей информации должен быть предметом отдельного специализированного исследования. В рамках данной работы, имеющей преимущественно практическую направленность, авторы ограничиваются лишь отдельными чертами, представляющимися им наиболее важными именно с практической точки зрения.

2.1. Органичность государственности

Китайский народ является единственным из живущих в настоящее время на Земле, который не заимствовал свою государственность у соседей, но сам придумал, выносил и выстрадал ее и является ее носителем без каких бы то ни было существенных исторических разрывов.²⁸

Маньчжурское завоевание было именно традиционным в древней истории нашествием варваров, не принеших своей культуры, но с восторгом воспользовавшихся завоеванной, ставших в итоге ее пленниками и полностью переработанных ею.

Обладание собственным, самостоятельно выработанным, выстроенным и выстраданным государством представляется огромным преимуществом, значимость которого хронически недооценивается именно в силу его уникальности. Между тем самостоятельное формирование собственного государства позволяет обеспечить его максимальное соответствие национальной культуре и особенностям национальной психологии, сделав его взаимодействие с народом наиболее гармоничным и потому эффективным с точки зрения развития общества.

Разумеется, это ни в коей мере не означает какого-то особенного гуманизма государства или его демократичности; скорее даже наоборот – с учетом низкого уровня развития производительных сил во время его формирования, не предусматривающей какой бы то ни было свободы индивидуума или, как минимум, не нуждающейся в ней.

Государство по своей природе и по объективно присущим ему свойствам не является не только нянькой народа, как полагают социалисты всех сортов, но и его слугой, в чем по традиции либеральной антироялистской пропаганды конца XVIII века до сих пор убеждены некоторые современные демократы.

²⁸ Профессиональным патриотам, с восторгом наслаждающимся практическими следствиями того открытия, что деятелям определенного сорта проще писать доносы, чем читать учебники, стоит припомнить, что наш народ заимствовал принципы военно-государственной организации с севера – у соседей-норманнов (варягов), а религию (выполнявшую тогда, но ни в коем случае не сейчас, важнейшую функцию формирования народа при помощи единства культуры) с юга – у соседей-греков. Разумеется, мы творчески и исключительно глубоко переработали заимствованное (такая переработка, как правило, до полной неузнаваемости, вообще является принципиальной особенностью русской культуры и русского образа жизни), но это ни в коей мере не способно отменить сам бесспорный факт. При этом интересно, что, хотя мы не знаем бесспорно, как именно происходил выбор заимствуемой религии, мы знаем с абсолютной точностью, что уже в раннем Средневековье нашим предкам, составлявшим летописи, крайне приятно было считать, что это заимствование происходило в рамках открытого и прагматичного конкурса, но совершенно не в ходе каких бы то ни было сакральных (несмотря на всю специфику предмета) открытий.

Государство – это особый не только и даже не столько управленческий, сколько социокультурный и во многом хозяйственный организм, создаваемый народом на определенной, достаточно высокой ступени его развития не только для реализации, но прежде всего для выработки (и лишь затем формулирования) его коллективных интересов.

Более того: неотъемлемой функцией государства является последующее навязывание этих коллективных интересов отдельным личностям и общностям (как производственным, так и политическим, и территориальным), образующим этот народ, и превращение последнего за счет этого в нацию, – то есть народ, овладевший историей, познавший при помощи собственного государства свои долгосрочные исторические интересы и овладевший таким образом своим историческим предназначением.

Из этого следует со всей очевидностью и неизбежностью, что государство, даже если оно исторически выросло изнутри народа, служит ему и является его плотью от плоти и костью от кости, по самой своей функциональной природе не только не является его органической частью, но и неминуемо, при любом уровне демократичности и законности, в силу самой своей природы и самого своего предназначения является для него внешним источником насилия и принуждения.

Государство – это вынесенный вовне и наделенный самостоятельностью орган общества, принуждающий его к осознанию, восприятию и реализации его долгосрочных интересов, в том числе и в прямом противоречии индивидуальным, частным и потому хорошо осознаваемым интересам его отдельных составных частей.

Таким образом, противоречие между государством и народом, государством и обществом с неизбежностью вытекает из самой природы и неотъемлемых исторических функций государства. Тем ценнее его социокультурная близость к обществу, позволяющая по-китайски, максимально сгладить это противоречие и сделать взаимодействие государства с объективно противостоящим ему обществом и народом наиболее целостным и гармоничным.

Конечно, чрезмерная близость государства к обществу, избыточная солидарность с ним может привести к своего рода рабской зависимости от него, к потаканию низменным или, по крайней мере, сиюминутным и частным интересам отдельных элементов общества.

Очень часто выступающее под привлекательным прикрытием гуманизма и демократии²⁹, такое подчинение общего частному и отход под соответствующими благовидными предложениями от незыблемых в своей беспощадности принципов справедливости (которая представляется порой самым жестоким принципом из всех, существующих на свете) неминуемо становится фатальным для управляющей системы, каковой является государство.

Однако в нашем случае, насколько можно судить, в общем и целом, со всеми хорошо известными, в том числе и весьма длительными, отклонениями и исключениями, эта угроза преодолевается полнотой и целостностью восприятия, характерными для китайской культуры. Они позволяют эффективно и последовательно отграничивать частные интересы от общих – с вполне закономерным и, более того, совершенно необходимым принесением первых в жертву последним.

²⁹ А иногда, как мы слишком хорошо знаем на примере новейшей истории собственной страны и всего постсоветского пространства в целом, прекрасно обходящееся без каких бы то ни было прикрытий и открыто, честно и, более того, с демонстративным торжеством выдвигающее коррупцию, грабеж и насилие в качестве высших и совершенно естественных ценностей государства. Недаром в середине 90-х Чубайсу приписывалась фраза «наглость города берет», а в 2000-е годы ею достаточно часто и весьма убедительно характеризовалась деятельность различных политических группировок, осуществлявших государственную политику в своих эгоистических, а порой и открыто коррупционных целях.

* * *

Высокая значимость обладания собственным, всецело выросшим из культуры данного общества и прочно укорененным в ней социальным механизмом наиболее наглядно, как представляется, видна на примере такого инструмента, как демократия.

О значимости для участия в глобальной конкуренции, обусловленной порождаемой этим инструментом эффективностью, свидетельствует его превращение в, по определению еще Линкольна, «гражданскую религию» современной западной цивилизации, достаточно прочно вытеснивший из соответствующей ниши регулирования повседневной и, во многом, политической жизни традиционные религии.

Не то что посягательство, но даже любое выражение сомнения (в особенности обоснованного) в отношении той ли иной демократических догм вызывает жесткую (в том числе и стихийную общественную) реакцию со стороны глубоко убежденных в своей толерантности и, более того, светскости людей, вполне сравнимую с реакцией исламских фундаменталистов на карикатуры, высмеивающие пророка Мухаммеда, или еврейских активистов – на сомнения в масштабах Холокоста.

И вот этот исключительно значимый для современного общества инструмент принципиально отличается у народов, заимствовавших его у разного рода «старших братьев», с одной стороны, и у народов, самостоятельно придумывавших и мучительно рожавших его, с другой.

Вторые отличаются от первых не обязательно лучшей практикой правоприменения (в США она значительно хуже, чем, например, в Германии или Японии), но, как правило, существенно более низким качеством писаных законов. Общеизвестно, что, например, с точки зрения формальных демократических стандартов Конституция США значительно хуже конституций большинства государств Южной Америки, – при несопоставимо более высоком уровне реальной демократии и защиты прав человека. Причина представляется вполне очевидной: заимствовать (пусть даже сугубо формально) всегда проще, чем придумывать самому; в последнем случае корявости, шероховатости и внутренние нестыковки практически неизбежны. Однако непрерывно продолжающееся напряженное осознание и переосмысление цели, на которую направлено использующееся средство, и реальный, а не фиктивно-демонстративный характер этой цели, обеспечивает, само собой разумеется, качественно большую эффективность этого средства.

Принципиальным отличием обществ, самостоятельно создавших свою демократию, от заимствовавших ее является, как ни парадоксально, неполнота этой демократии, ограниченность действия демократических инструментов и институтов, – по крайней мере, на высшем уровне.

В полисах Древней Греции эта ограниченность заключалась в распространении демократии почти исключительно на глав семейств, обладавших собственностью и способных держать в руках оружие; в Венеции – в маленькой темной комнатке в роскошном Дворце Дожей, где собирался Совет Десяти, первый в истории орган государственной безопасности, зорко следивший за политической ситуацией и обладавший практически никак не ограниченной властью даже над самыми богатыми и влиятельными гражданами.

В Великобритании это уникальный институт королевской семьи, неформально являющийся ключевым бизнесменом не только страны, но и всей Империи (в том числе и после ее разрушения), и обладающий влиянием (как сугубо моральным, так и административным, политическим и даже финансовым), достаточным для нейтрализации практически любых демократических процедур, включая даже блокирование принятия нежелательных судебных решений.

Наконец, в США это «теневое государство», включающее в себя спецслужбы, политические машины обеих партий, профессиональных лоббистов и перетекающих из государства в бизнес и обратно топ-менеджеров, – зародыши и предтеча сегодняшнего глобального управляющего класса, эффективно использующего демократические процедуры в качестве инструмента вполне откровенного и лишь слегка маскирующегося тоталитаризма.

Резюмируя, можно зафиксировать: созданная самостоятельно, в соответствии с собственными внутренними потребностями, выстраданная демократия отличается от выученной наизусть наличием теневых встроенных механизмов, которые позволяют при необходимости даже убивать руководителей страны, но не дают им совершать действия, неприемлемые для общественной элиты или ставящие под угрозу долгосрочные интересы общества.

Указание на это обычно вызывает у адептов демократической «гражданской религии» категорическое отрицание; предъявление же доказательств ведет либо к агрессии, либо (у разумной части аналитиков) к вынужденному признанию в несовершенстве демократии или ее преходящем кризисе. Правда, они всеми силами стараются тактично умолчать, что, в конечном счете, этот преходящий кризис восходит еще к временам Аристотеля, справедливо бичевавшего современный тип демократии как «охлократию» – разрушительную для общества власть низменных инстинктов и сиюминутных частных интересов.

Практика показывает: чтобы защититься от них, самостоятельно создавшее демократию общество вырабатывает непубличные, внутренние механизмы, которые не пропагандируются и даже скрываются от постороннего глаза, – как из необходимости защищать от чрезмерного внимания конкурентов свои управляющие центры, так и в силу их вопиющего противоречия сияющему демократическому идеалу.

Поэтому народы, не рождающие демократию сами, а заимствующие ее у более удачливых соседей, как правило, даже не подозревают о неотъемлемо присущей ей неполноте и несовершенности: подобно туземцам колонизируемых стран, они не видят разницы между работающими часами и пустым циферблатом со стрелками, но без часового механизма.

Заимствованная демократия так же близка к самостоятельно рожденной и выращенной, как самолеты и целые аэропорты, заботливо сплетенные из тростника в рамках разного рода карго-культов, – к настоящим. Особенно ярко мы видим это на опыте даже не столько провалившихся попыток в рамках исламского мира (при реально, хоть и странном для нас образом, работающей демократии в Исламской республике Иран), сколько постсоциалистической демократизации стран Восточной Европы, – именно в силу ее формальной успешности.

Заимствующие демократию народы не создают у себя соответствующих страховочных механизмов, из-за чего их демократия оказывается неэффективной и, в конечном итоге, беззащитной перед разнообразными соблазнами (в том числе любезно предлагаемыми народами, построившими свою демократию самостоятельно). Неэффективность заимствованной демократии оборачивается, в конечном счете, поражением в глобальной конкуренции, – в том числе с теми, кто предоставил соответствующую модель демократии в качестве «сияющего образца».

Таким образом, скрытый характер механизмов, оперативно компенсирующих внутренне присущие и, по-видимому, объективные, неустранимые недостатки демократии, сам по себе является важным фактором конкурентной борьбы: заимствующие демократию попросту не подозревают об их существовании и необходимости и потому, пытаясь использовать механизм без его важнейшего самокорректирующего элемента, обрекают себя на неэффективность и тем самым – на поражение в глобальной конкуренции.

Они живо напоминают при этом нынешних «молодых менеджеров», твердо вызубривших, «как» надо осуществлять те или иные предписанные им действия, но не имеющих ни малейшего представления о том, «почему» и «зачем» их вообще надо совершать.

* * *

Государство – несравнимо более масштабная и объемлющая система, чем современная западная демократия, являющаяся отнюдь не универсальной ценностью, но оптимальной формой его существования во вполне определенных и совершенно точно преходящих исторических обстоятельствах.

Соответственно, описанные выше необходимые, но не разглашаемые внутренние «секреты», встроенные «маленькие темные комнатки», в общем – непубличные инструменты собственной корректировки несравнимо более важны для его функционирования и играют в нем значительно большую роль, чем та, которую мы рассмотрели только что на локальном и частичном по сравнению с ним примере демократии.

Тем важнее для эффективности и, соответственно, конкурентоспособности государства его органичность, его соответствие культуре и обществу, от имени которых оно выступает на мировой арене и развитию которых служит. А максимальный уровень такой органичности и соответствия вполне естественно достигается тем народом, который не заимствовал свою государственность со стороны, а создал ее самостоятельно, в соответствии с собственными идеалами и потребностями.

Весьма ярко и убедительно это проявляется в попытках решения проблемы, получившей в современной аналитике название «парадокса спецслужб».³⁰

Дело в том, что любое общество, регулируя свою деятельность с помощью публично принимаемых им законов, сталкивается с необходимостью решения проблем, которые законами по самой своей природе решены быть не могут.

Прежде всего, это быстро возникающие и при этом столь же быстро создающие для общества неприемлемые опасности проблемы, требующие незамедлительных действий в ситуации отсутствия времени для предварительного принятия соответствующих законов.

Вторая категория объединяет разнородные проблемы, которые не могут решаться публично в связи с неприемлемостью единственно возможных методов их решения для общественной морали (помимо необходимого, но абсолютно аморального шпионажа, к ним относятся, например, массовая этническая преступность со стороны представителей архаичных культур в относительно гуманных обществах).

Указанные две категории проблем (для отдельных исторических ситуаций их может быть и больше) создают универсальные ограничения для практического применения принципов «правового государства» и, соответственно, создают объективную, постоянную и в принципе не поддающуюся устранению потребность всякого значимого государства в неправовом, «специальном» регулировании общественных процессов.

Вполне логично, что занимающиеся ими структуры так и называются «специальными». Их парадокс заключается в том, что, объективно находясь вне законодательного и общественного регулирования, они сами определяют для себя границы своей компетенции – и, разумеется, как всякий управленческий организм, стремятся расширить их до абсурда или, как минимум, до заведомо неприемлемых и вредных для общества масштабов.

Любая крайность в урегулировании «парадокса спецслужб» вредна: чрезмерно плотная постановка их под общественный или хотя бы гражданский контроль делает их абсолютно беспомощными и не способными выполнять свои базовые функции (как это, насколько можно понять, произошло в Советском Союзе, где КГБ фактически находился под контролем ЦК КПСС).

³⁰ Впервые, насколько можно судить, описан в докладе Института проблем глобализации под редакцией М. Г. Деягина «Практика глобализации: игры и правила новой эпохи» (1998), в следующем году вышедший в сокращении отдельной книгой.

Освобождение же от внешнего контроля приводит к подмене спецслужбами структур государственного управления, что создает склонный к насилию и часто откровенно криминальный политический режим, как правило, не способный к организации поступательного общественного развития.

Удерживание спецслужб в зоне «золотой середины», позволяющей сочетать инициативность и самостоятельность со службой общественным, а не собственным узковедомственным интересам, осуществляется созданием достаточно сложных, тонких и во многом неформальных институтов. (Примерами таких институтов могут служить регулярные отчеты руководства спецслужб перед своими же бывшими начальниками или сослуживцами, заседающими в закрытых парламентских комиссиях, а также в целом нормы поведения средств массовой информации, параметры режима секретности, характер подчиненности руководителей спецслужб и методы управления ими со стороны высшего руководства страны.)

Естественно, сложность таких институтов делает категорически необходимым наиболее полный учет культурной специфики: при недостаточности такого учета (например, из-за механического копирования институтов, действующих в рамках иной культуры) они просто не смогут выполнять свои функции.

Китайская система контроля за спецслужбами, несмотря на всю слабость формальной демократии (в ее западном понимании), работает, насколько мы можем судить, весьма эффективно. Это представляется еще одной иллюстрацией того, что китайская государственность органично вырастает из китайской культуры и не является для нее чем-то внешним и тем более чужеродным.

2.2. Стратегический характер управления

Органичность государства для национальной культуры проявляется не только в относительной гармоничности государственных институтов, не воспринимаемых обществом как что-то чужеродное, оторванное от него и враждебно ему противостоящее (даже когда эти неприятные особенности на самом деле имеют место).

То, что китайский народ сам вырастил свое государство, сделало это государство близким ему и, более того, обеспечил историческую преемственность даже тогда, когда официально она прямо отрицалась или, как сейчас, не признавалась «по умолчанию» (напомним, что сегодняшняя Китайская Народная Республика формально не является правопреемником китайского государства, существовавшего до 1949 года, – так же, как Советский Союз формально не был правопреемником Российской империи).

Длительность непрерывной письменной истории, наличие довольно широкого образованного слоя (в виде, прежде всего, чиновничества) и развитость государственности создали предпосылки для достаточно массовых размышлений над событиями прошлого, извлечения из них разнообразных уроков и их достаточно тщательной систематизации.

Длительные периоды раздробленности на различные государства позволяли сопоставить действенность тех или иных социальных механизмов, методов управления и принципов организации не просто на практике, но и в прямой конкуренции между собой, в том числе в военной. Существенно, что эта проверка проводилась многократно, как в разнообразных, так и в сопоставимых условиях, обеспечивая, по сути дела, постановку и изучение результатов множества разнообразных социальных экспериментов.

Хотя эти эксперименты и носили стихийный характер, обеспечиваемый ими опыт был бесценным, а в силу сохранения письменной истории и длительности периодов раздробленности (да и в формально едином государстве характер управления в различных провинциях, как правило, существенно отличался) – и весьма значительным по своему объему.

Естественное в условиях развитой государственности изучение, систематизация и осмысление накопленного опыта управления и социальных технологий в целом дает колоссальный культурный результат. Осмысленное наследие Древней Греции, в которой наличие множества долин в горах также способствовало развитию в разных городах-полисах различных сталкивавшихся между собой политических культур и социальных механизмов, оплодотворило (через Рим и Византию) всю будущую европейскую и, шире, западную цивилизацию. Точно так же осмысленное наследие Древнего Китая оплодотворило китайскую цивилизацию, в том числе и современную.

Вместе с тем характер стихийного осмысления обществом своего исторического наследия принципиально отличается на Востоке и на Западе в силу глубокого различия двух типов общественных культур.

Западное мышление носит (почему так сложилось – крайне интересная, но совершенно безбрежная и, главное, отдельная от настоящей работы тема) преимущественно материалистический характер. В природе оно обращает внимание, прежде всего, на образующие материю частицы, в общественной жизни – на отдельную личность. Западное мышление отливает свой исторический опыт в форму четких институтов, в настоящее время – институтов демократии (правда, в настоящее время в силу общего кризиса человечества они изживают себя, не предлагая взамен ничего привлекательного для отдельного индивида).

Восточное мышление,³¹ напротив, более идеалистично: в природе обращает внимание преимущественно на энергию (что позволяет достигать успехов в медицине, но не дает заниматься механикой и потому тормозит по сравнению с Западом развитие технологий на достаточно раннем этапе), а в обществе – на коллективы, то есть социальные механизмы самых различных типов. В силу своей направленности восточное мышление отливает свой исторический опыт не в институты (включая жестко формализованные законы), а в традиции, то есть размытые и слабо формализованные нормы общежития, ориентированные на достижение не индивидуальной выгоды (и общественного блага именно как максимально возможной при данных условиях совокупности индивидуальных выгод), но коллективной гармонии (причем в идеале не внутри одного только общества, но и гармонии этого общества с природой).

Переработка своего исторического опыта при помощи столь специфичной (для нас, разумеется) общественной культуры способствует выработке стратегического мышления, инстинктивно стремящегося к максимально широкому объятию жизни, учета как можно большего количества факторов и процессов для обеспечения своего развития как части всеобщей гармонии (а в наиболее удачном случае – и как способа ее достижения).

Эта стратегичность мышления является весьма существенным конкурентным преимуществом Китая перед Западом. Как отмечали многие ученые, предприниматели и чиновники, работавшие с китайцами, последние, как правило, не отличались быстротой или оригинальностью мышления. Однако, имея привычку продумывать со всех сторон и как будто заново даже вполне тривиальные ситуации, они часто обнаруживали возможности, мимо которых проходили их более поверхностные и энергичные европейские коллеги.

С другой стороны, понимая в силу стратегичности мышления главное в каждый отдельно взятый момент времени, китайские руководители привыкли концентрировать все силы именно на этом главном, не отвлекаясь на второстепенные вопросы. В результате их деятельность сопровождается часто большими диспропорциями и погрешностями, но главные для себя задачи они решают быстро и хорошо.

Принципиально важно, что главное для них отнюдь не обязательно является главным для их подчиненных и тем более для сторонних наблюдателей. Поэтому поведение китайских

³¹ Разумеется, правильно говорить о «мышлении цивилизаций Южной и Юго-Восточной Азии», но для простоты мы пользуемся общеупотребительным, хотя формально, безусловно, и совершенно неправильным термином.

руководителей иногда кажется иррациональным для тех, кто ошибается в оценке их мотиваций и приоритетов (простейший пример – восприятие иностранными современниками «культурной революции»).

«Они отнюдь не скородумы, но мыслят и действуют очень системно», – таково общее впечатление от китайских руководителей самого разного уровня и в самых разных сферах.

Возможно, играет свою роль и жесткая конкуренция, существующая внутри китайского общества просто в силу его масштабов. Для того, чтобы занять руководящую должность, сопоставимую с должностью своего европейского коллеги, китаец должен победить значительно большее число своих потенциальных соперников и, соответственно, обладать, как минимум, значительно большими конкурентными способностями, – хотя и с учетом глубокого отличия организации конкуренции в Китае от конкуренции на Западе.

Существенно, что стратегичность и системность поведения буквально «в крови» и у обычных китайцев, не сделавших карьеры. Вероятно, эта особенность национальной культуры имеет, прежде всего, исторические причины: крайняя тяжесть повседневных и массовых условий жизни требовала от многих поколений подряд не только энергии и упорства, но и продуманности действий и, более того, выработки и неукоснительной реализации жизненных стратегий.

Недаром именно в Китае традиционные для всех народов притчи оказались отлиты в уникальной форме «стратагем», в предельно емкой форме выражающих те или иные стратегии поведения. Это не отдельно взятые принципы поведения, обычные для пословиц и поговорок (вроде «не плюй в колодец – пригодится воды напиться» или «не имей сто рублей, а имей сто друзей: деньги отнимут, а друзья останутся»), а именно методология длительных действий в различных ситуациях.

Можно предположить, кстати, что именно в силу тактического характера западного и стратегического характера восточного мышления на Западе достигали успеха, как правило, выдающиеся стратеги, а в Китае, скорее, тактики: и те, и другие сталкивались с относительно низким уровнем конкуренции, так как обладали дефицитными для своих обществ качествами.

2.3. Прагматизм: подлинная религия китайского народа

Народ, сам создавший свое государство, обычно находит свои собственные, оригинальные социальные технологии его поддержания и развития, в которых (в силу важности государственного организма для общества) ярко и концентрированно выражаются особенности его культуры.

В истории Китая таким символом национальной специфики представляется прием на чиновничьи должности по результатам экзаменов.

Стоит напомнить, что не только в боярской допетровской России, но и на «просвещенном Западе» государственные должности столетиями распределялись, как правило, на основании принципов знатности и лишь в лучшем случае – личной преданности (и дай бог, если главе государства, а не одного из многих грызущихся кланов). С развитием рыночных отношений должности стали продаваться – и этот метод «отбора» с незначительными модификациями продержался во многих развитых (и даже лидирующих в тогдашнем мире) странах вплоть до конца XIX века, – с более или менее катастрофическими последствиями.

На этом фоне «отсталый» средневековый Китай выглядит недосыгаемым мировым лидером в области управленческих и в целом социальных технологий.

«Жертвы ЕГЭ» привыкли обращать внимание на вполне современную прозрачность, публичность и объективность средневековой китайской экзаменационной процедуры (намного превышающая по этим критериям, скажем, современную аттестацию российских государ-

ственных служащих), то есть на качества, наиболее рекламируемые либеральными реформаторами в настоящее время.

Однако не менее важным представляется то, что экзамены на высокие должности проводились на территории императорского дворца, а часто и в присутствии императора, что придавало им сакральный характер. Таким образом, процедура проверки знаний (правда, начетнический и оторванный от жизненных нужд характер такого обучения превращал экзамены в способ проверки не столько самих знаний, сколько способности упорно учиться) не только была необходима для назначения на государственную должность, но и являлась, по сути дела, священнодействием.

Впрочем, с учетом значимости государства вообще и качества государственного управления в частности для жизни общества, вызывает недоумение не столько обычай древних китайцев, сколько то, что остальные современные государства, будучи уже хорошо знакомы с ним, так и не последовали китайскому примеру.

Экзамены на государственную должность в средневековом Китае представляются подлинным символом и высшим выражением прагматизма, берущего свое даже в, по сути дела, кастовой системе.

Однако самым удивительным для современного наблюдателя в этих экзаменах является даже не их сакральный характер, а то, что наряду с конкретными знаниями проверялась, например, способность кандидатов писать стихи.

Мы знаем, что практически все китайские поэты древности, чьи произведения дошли до нашего времени, по основному роду своей деятельности были чиновниками, – и, оказывается, это было элементом государственной политики: самый хороший управленец просто не мог подняться выше определенного уровня, если не умел писать стихи!³²

Это представляется отнюдь не отступлением от принципов прагматизма, но лишь иллюстрацией той исключительной важности, которое китайская культура придает задаче достижения и поддержания гармонии.

Если рассматривать государственное управление по-европейски, как способ удовлетворения насущных потребностей общества, слишком сложных или масштабных для его самостоятельных действий, экзамен на стихосложение кажется бессмысленной блажью, нелепой прихотью канувших в Лету самодуров.

Однако в том-то и дело, что в рамках китайской культуры любая человеческая деятельность имеет смысл лишь как способ достижения гармонии, лишь как путь к ней, – и государственное управление отнюдь не является исключением из этого всеобъемлющего правила. А, раз государство должно нести в мир гармонию, непосредственно заниматься этим делом могут лишь чиновники, способные понимать и самостоятельно создавать ее, – что и проверяется в ходе соответствующего экзамена.

Таким образом, стремление к гармонии носит не наносной характер, это не формальный ритуал и не часть аттракциона для тогда еще не существовавших туристов, но квинтэссенция народного духа Китая.

Другое дело, что, как и всякая квинтэссенция, она прячется глубоко в повседневности, не только пронизывая ее, но и размываясь ею, не существуя почти нигде «в чистом виде», – и стремление китайца к вселенской гармонии вряд ли поможет вам в коммерческом споре с ним или просто в ситуации столкновения интересов, в которой вы очевидным образом слабее.

³² А восьмой император династии Сун, Хуэйцзун (1082–1135 гг. н. э.) ввёл в программу экзамена ещё и рисование, – правда, увлекшись искусствами, запустил дела государственного управления до такой степени, что империя потеряла северные владения, столица его была разграблена, а сам он провел 8 лет в плену, где и умер.

Да и вне конфликтов чрезмерное внимание к китайской культуре и ее символам, отвлекающее от повседневных проблем и тем более мешающее эффективно решать их, вряд ли будет понято обычными китайцами.

«Конфуций и Лаоцзы хороши только для богатых иностранцев», – бросят вам в сердцах. И будут правы, ибо насаждение гармонии на символическом уровне ничего не стоит без повсеместных ежеминутных усилий по ее практическому претворению в жизнь, – а велеречивые философствования этим усилиям только мешают. *Строго говоря, схожая ситуация наблюдается и в России: многие безупречно культурные, духовные и патриотичные люди теряют самообладание при виде расплодившихся бездельников, способных лишь бессмысленно и бесплодно разглагольствовать о «духовности», «патриотизме», «народе-богоносце» и «великой русской культуре».*

Глубину и всеобщность китайского прагматизма, пронизывающего все поры общественной и личной жизни, весьма убедительно характеризует практическое отсутствие в обществе религии в традиционном смысле этого слова. Ее место занимают, по сути дела, различные своды практических правил, норм поведения и уважения старших, интегрированных в конфуцианстве и, в меньшей степени, в даосизме, которые представляют собой все тот же, избавленный от всех излишеств, выкованный и отшлифованный веками прагматизм, пусть даже и завернутый в привлекательную обложку мудрости.

Оборотной стороной этого является крайняя утилитарность, проявляющаяся практически во всех сферах жизни.

Многие европейцы чувствовали себя неуютно, когда понимали, что живущие в условиях перенаселения китайцы не просто едят все, что в принципе съедобно, но и потребляют все, что в принципе поддается потреблению, не испытывая никаких сантиментов, никакой неловкости и неуверенности в будущем.

Китайцы без тени сомнения используют все, что можно использовать, – в том числе и друг друга, и тем более носителей иных культур.

И вы можете быть самым уважаемым партнером, – и, пока вы нужны, вы будете купаться в лучах признания, уважения и даже искреннего восхищения.

А потом, если вы утратите свое значение для ваших партнеров, вас просто съедят (разумеется, не в физическом смысле слова: социализм оставил свой след, и Китай – это совсем не демократичная Африка, освободившаяся сначала от колонизаторов, а затем и от цивилизации), и обижаться вам будет не на кого. Ведь все, что не может приносить пользу одним способом, должно приносить пользу другим способом.

Восхищаясь китайским прагматизмом и порождаемой им эффективностью, ежась от китайской утилитарности, помните, что главная стратегическая задача практически любого сотрудничества (и в особенности в случае Китая) – это не переместиться из-за общего стола в тарелку.

В рамках китайской культуры, сформированной на протяжении тысячелетий чудовищными лишениями и неимоверно тяжелым трудом, этот переход будет сопровождаться минимумом сдерживающих остальных едоков сентиментальностей.

Правда, этот же самый часто пугающий прагматизм исключительно полезен вам, если вы хорошо делаете свое дело и приносите значимый вклад в общий котел. Осознав это, большинство китайцев будут дружелюбными и предупредительными, с удовольствием и уважением будут советоваться с вами, даже если вы будете много ниже их по рангу.

Поскольку деньги остаются главным мерилем успеха, именно прагматизм стремительно размывает те традиции и особенности, о которых пойдет речь ниже, именно он привел к появлению и ведет сейчас к стремительному расширению слоя европеизированных китайцев, готовых и способных работать даже вместо обеда, с охотой отвечающих на звонки не то что вечером, но и ночью, детально выполняющих свои контрактные обязательства, идущих вам

навстречу в спорных вопросах ради сохранения (не говоря уже о расширении) сотрудничества и заранее, без каких бы то ни было намеков информирующих вас о всех возможных проблемах и задержках.

2.4. Стойкость и упорство

Одной из наиболее поразительных особенностей китайской культуры является практически полное отсутствие такого разрушающего и парализующего человека чувства, как отчаяние.

Не будет преувеличением утверждать, что оно попросту неведомо современным китайцам. Потерпев поражение, испытав крушение всех надежд, на горьком опыте убедившись в беспочвенности и тщетности своих чаяний, китаец испытывает лишь печаль и только в самых серьезных случаях (связанных, например, со смертью близких ему людей) – скорбь.

Отчаяние буквально ампутировано из души современного китайца и, вероятно, это связано прежде всего с историей китайского народа. В стране, где людей вырезали целыми уездами, если вообще не провинциями, а Мао Цзэдун, кажущийся нам людоедом, выглядел на фоне своих предшественников (да и многих современников) как подлинный гуманист, – люди, способные предаваться отчаянию вместо непрерывной иступленной борьбы за выживание, просто не имели шанса оставить после себя потомство, – по крайней мере, жизнеспособное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.